

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№11(94)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
И ФИЛОСОФИЯ**

МОСКВА, 2024

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам ХСIV международной
научно-практической конференции*

№ 11 (94)
Ноябрь 2024 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2024

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Лобазова Ольга Федоровна – д-р филос. наук, проф. кафедры философии Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва;

Мащитко Сергей Михайлович – канд. филос. наук, доц. кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Беларусь, г. Минск;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам ХСIV междунар. науч.-практ. конф. – № 11 (94). – М.: Изд. «МЦНО», 2024. – 138 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2024

Оглавление

Раздел 1. История и археология	7
1.1. Всеобщая история	7
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ СЕЛЬДЖУКИДОВ И НАЧАЛО ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ Мередов Палван Гурбанмырыдович	7
БАКИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1919 ГОДА: ОБСУЖДЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИТОГИ Рустамова Джамилия Яшар кызы	11
ОБЕРЕГАТЬ ИСТОРИЧЕСКОЕ, ДУХОВНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ – ЭТО ОБЯЗАННОСТЬ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА Ходжиев Шахбоз Фарходжон угли	22
1.2. Отечественная история	27
К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ДАГЕСТАНА В V–X ВВ. И ПРОНИКНОВЕНИИ ИСЛАМА Таймасханова Мадина Исламовна Гасанов Магомед Раджабович	27
1.3. Этнография, этнология и антропология	34
ОСОБЕННОСТИ КАЗАХСТАНСКОЙ РЕПАТРИАЦИИ: ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Сыдыгалиев Сункар Маратулы	34
Раздел 2. Политология	43
2.1. Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития	43
ЕС-УЗБЕКИСТАН: СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ЭКОЛОГИИ Темирбаева Айгерим Кайратовна	43

Раздел 3. Социология	48
3.1. Социология управления	48
ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ Тишкина Анна Серафимовна	48
Раздел 4. Юриспруденция	53
4.1. Гражданский процесс; арбитражный процесс	53
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНКУРСНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ И АВСТРАЛИИ Родина Наталья Андреевна	53
4.2. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	61
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РФ Козлова Алина Алексеевна	61
4.3. Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право	66
ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ Ахметбеков Асхат Кайратович	66
4.4. Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право	70
ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ПРИРОДА ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ Кулиев Сиявуш Теймурович	70

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА САМОВЫДВИЖЕНИЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Черепкова Владислава Сергеевна Шатилов Сергей Петрович	78
4.5. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность	84
ТЕХНОЛОГИЯ 3D-СКАНИРОВАНИЯ МЕСТНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ Каримов Гайрат Нозимович Усачев Сергей Игоревич	84
К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ПРАКТИКИ ВСЕОБЩЕЙ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ Ковалёв Сергей Викторович	88
4.6. Международное право	93
ЭТИКА, БЕЗОПАСНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РЕГУЛИРОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ Глушков Валентин Алексеевич Томилова Инга Игоревна	93
4.7. Трудовое право; право социального обеспечения	101
СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ТРУДА: СУБЪЕКТЫ, ПРИНЦИПЫ И ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА Андреенков Денис Викторович	101
4.8. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	108
ДОКУМЕНТООБОРОТ, КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В СТРУКТУРЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Дяченко Михаил Викторович Дяченко Виктория Михайловна	108

ОСОБЕННОСТИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ВИДА НАКАЗАНИЯ Нияз Г.	112
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ: ОСНОВНЫЕ СОСТАВЫ И ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ Половинкин Иван Михайлович Денисов Алексей Дмитриевич	119
4.9. Уголовный процесс	124
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ И ОБОРОТУ МАТЕРИАЛОВ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ С ПОРНОГРАФИЧЕСКИМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ Пряникова Мария Анатольевна	124
ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ Рословец Кристина Сергеевна Баранова Марина Александровна	130

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

1.1. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ СЕЛЬДЖУКИДОВ И НАЧАЛО ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Мередов Палван Гурбанмырдович

магистр,

Туркменский Государственный Педагогического

Института им. Сейтназара Сейди,

Туркменистан г. Туркменабат

Происхождение династии Сельджукидов и начало ее политической истории

В X в. на базе племен турков-огузов начинает формироваться династия Великих Сельджуков, которые в XI в. создали могущественную империю, простирающуюся от предгорий Тянь-Шаня на востоке до побережья Красного моря на западе, от северо-восточного побережья Каспийского моря на севере до Индийского океана на юге. В период наивысшего подъема империя Сельджуков включала регионы Средней Азии, Ирана, части Афганистана, Закавказья, Передней и Малой Азии [3, с. 99]. Возникновение этой державы оставило заметный след в мировой истории и повлияло на эволюцию региона Средней Азии.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что сельджукское объединение возникло в первой половине X в. В его состав входили преимущественно огузо-туркменские кочевые и полуоседлые племена среднего течения р. Сырдарья и предгорий Каратау, а также часть кипчакских племен, кочевавших по нижнему течению Сырдарьи и на северо-западных окраинах Мавераннахра и Хорезма.

Основателем огузо-туркменского государства Великих Сельджуков был сын Дукака, внука легендарного Огуз-хана. Отец Сельджука Дукак (Тукак) по прозвищу Железный лук отличался необыкновенной

силой, храбростью и умом. Он был сюбаши огузского ябгу в столице Янгикенте [4, с. 251]. По одной из версий Дукак служил наемником у хазарского хана, дослужился до поста командира и умер молодым, когда его сын Сельджук был совсем маленьким. Хазарский хан оставил Сельджука при дворе и дал ему образование. Но Сельджук не вызывал должного почтения к покровителям и за это был отправлен на родину [4, с. 252].

Родиной Сельджука являются земли между восточным побережьем Каспийского моря и средним течением реки Сырдарья, где в X – XI вв. находился огузский ябгулук. Сельджук принадлежал к знатному роду огузского племени Кынык [3, с. 100].

Возвратившись, Сельджук узнал, что между их иранскими сюзеренами Саманидами и тюркской династией Караханидов идет война. Воспользовавшись положением, он покинул столицу огузского ябгулука г. Янгикент и со своими 100 конниками ушел в Нуратинские горы, а оттуда откочевал в низовья Сырдарьи в окрестности саманидского Джента, где принял ислам вместе со своими приближенными. Сельджук отказывался вывести свой клан из Джента до тех пор, пока он не получило освобождения от выплаты Саманидам дани. В Дженте Сельджук провел большую часть своей жизни, дожив до глубокой старости. Сельджук умер в начале XI в. в возрасте 102 лет.

У основателя династии было четыре сына: Микаил, Арслан (Исраил), Муса, Юнус. После смерти Сельджука титул «байгу», который носили правители огузов должен был перейти к его старшему сыну Микаилу. О его жизни практически ничего неизвестно, за исключением того, что Микаил погиб в одном из походов против «неверных». После смерти Сельджука во главе рода встал Арслан. Он и был объявлен ябгу. К тому моменту, как Арслан оказался у власти, вооруженное формирование клана сельджуков стало настолько сильным, что могло участвовать в межгосударственной борьбе и стало востребованным в регионе, где постоянно шли войны [3, с. 101]. В 1029 г. он был схвачен Махмудом Газневи и попал в тюрьму, где в заточении и окончил свои дни. Далее во главе клана стал Муса, который был дядей Тогрула и Чагры – сыновей Микаила. Впоследствии Тугрул стал первым султаном Великой Сельджукской империи, а все остальные правители этого государства были потомкам Чагры.

В исторической литературе Исраил больше фигурирует, как Арслан, Давуд, как Чагры, Тугрул получил второе имя Мухаммеда, но вошел в историю как Тугрул.

В период с XI-XII вв. сельджуки создали не просто свое государство, а империю Великих Сельджуков, охватывающую территорию

Ближнего и Среднего Востока. Собственно великими стали три первых султана империи: внук Сельджука Тугрул, правнук Альп-Арслан и праправнук Меликшах.

Политическая история династии Сельджука началась, когда он принял ислам и со своим войском поступил на службу к правителю азиатской династии Саманидов. Напомним, что именно в это время для принявших мусульманство огузов появляется специальное название «туркмен». Вообще, с X в. огузы, активно контактировали с более развитыми исламскими государствами Средней Азии, ведущими на тот момент междоусобные войны. Поступив на службу в качестве военных наемников к азиатским правителям, можно было обогатиться в военных походах и получить в самостоятельное управление отдельные города и провинции. К этому и стремился Сельджук со своими потомками [2, с. 53].

В конце X в. разгорелась борьба между двумя династиями Саманидов и Караханидов за главенство на обширных территориях Мавераннахра, управляемых первыми. Сельджук, будучи на стороне Саманидов, принял участие в междоусобице и в 985 г. в благодарность за это получили позволение поселиться на землях между Бухарой и Самаркандом, в районе Нур-и Бухара (современный Нурат) [1, с. 27].

Однако, уже в 999 г. Караханиды полностью овладели землями Мавераннахра, захватили столицу Саманидов Бухару и положили конец саманидской династии. Сложная обстановка, возникшая в Бухарском и Самаркандском оазисах, вынудила сельджуков уйти в правобережный Хорезм, а затем в Хорасан. Крах династии Саманидов изменил политическую картину Средней Азии. Началась борьба за раздел саманидского наследия между Караханидами и династией Газневидов, а по сути, война за расстановку сил в регионе. В этом процессе сельджуки приняли участие на стороне более сильных Караханидов [1, с. 28].

Завоевав Мавераннахр, Караханиды вышли к пределам государственных владений Газневидов, от которых их отделяла р. Амударья. В 1001 г. по инициативе султана Газневидов между двумя государствами был заключен мир, по которому р. Амударья становилась естественной границей между Газневидскими и Караханидскими землями. Газневиды и Караханиды после череды сражений договорились между собой о вооруженном нейтралитете [3, с. 140].

Так в конце X – начале XI вв. выглядела военно-политическая обстановка на фоне которой возвысилась династия Сельджукидов. На начальном этапе существования клана у Сельджуков еще не было своего государства, но была сильная военная организация, благодаря которой потомки Сельджука смогли в XI в. стать не просто ключевыми

игроками региона, а создателями державы Сельджукидов. Последующие события XI в., происходившие на огромной территории от р. Сырдарьи до Малой Азии были тесно связаны с потомками Сельджука, которые смогли создать целую империю Великих Сельджуков. Основные военные достижения, пик расцвета и могущества сельджукской державы приходится на время правления Тогрула, Альп-Арслана, Мелик-Шаха.

Список литературы:

1. Агаджанов С.Г. Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 303 с.
2. Агаджанов С.Г. Сельджуки и Туркмения. – Ашхабад: Изд-во «БЛЫМ», 1973. – 165 с.
3. Запорожцев В.М. Сельджуки. – М.: Воениздат, 2011. – 294 с.
4. Тишков В.А. Туркмены. Серия: Народы и культуры. – М.:Наука, 2016. – 635 с.

БАКИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1919 ГОДА: ОБСУЖДЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИТОГИ

Рустамова Джамиля Яшар кызы

д-р ист. наук, проф.,

Бакинский Государственный Университет,

Азербайджан, г. Баку

THE BAKU CONFERENCE OF 1919: DISCUSSIONS, PROPOSALS AND RESULTS

Jamila Rustamova

Doctor of historical sciences, Professor

of the Baku State University,

Azerbaijan, Baku

Аннотация. После провозглашения независимости в мае 1918 года, межнациональный конфликт между азербайджанцами и армянами вступил в новую стадию. Попытка определить границы между двумя республиками ни к чему не привела, так как с первых дней независимости армяне предъявили территориальные притязания к Азербайджану. В декабре 1919 года в Баку прошла армяно-азербайджанская конференция, которая должна была решить вопрос о разграничении спорных территорий. Из-за диаметрально противоположных взглядов сторон по территориальному вопросу, конференция не смогла решить ни один из вынесенных на обсуждение вопросов.

Abstract. After the declaration of independence in May 1918, the ethnic conflict between Azerbaijanis and Armenians entered a new stage. The attempt to define the borders between the two republics led to nothing, as from the very first days Azerbaijan proclaimed its independence, Armenians made territorial claims against Azerbaijan. In December 1919, an Armenian-Azerbaijani conference was held in Baku, which was supposed to resolve the issue of the delimitation of disputed territories. Due to the diametrically opposed views of the parties on the territorial issue, the conference was unable to resolve any of the issues put up for discussion.

Ключевые слова: независимость, территориальные притязания, армяно- азербайджанский конфликт, Баку, конференция.

Keywords: independence, territorial claims, Armenian-Azerbaijani conflict, Baku, conference.

В конце мая 1918 года народы Южного Кавказа провозгласили свою независимость. Бывшие окраины Российской империи, обрели независимость в очень сложный период, когда Первая Мировая война еще продолжалась, и дальнейшая судьба региона во многом зависела от исхода войны. Фактически уже под занавес войны, и в первые месяцы после окончания войны, новообразовавшиеся республики, стремились добиться международного признания со стороны мирового сообщества. Прежде всего им необходимо было, установить мирные добрососедские отношения между собой. Однако, с момента образования в мае 1918 года на Южном Кавказе независимых государств и до момента их советизации в 1920-1921 гг. основным камнем преткновения в деле установления между ними мирных отношений был территориальный вопрос. Причиной тому стало несовпадение национальных границ новых независимых государств с границами бывших губерний Российской империи [7].

Попытка определения национальных границ сразу же привела к конфликту между Арменией и Азербайджаном. Армения предъявила территориальные притязания на исторические азербайджанские земли – Карабах, Зангезур и Нахичеван. Зная, что Азербайджан никогда не откажется от своих исторических земель, армяне решили захватить эти земли военным путем. Еще до провозглашения независимости, армянские вооруженные формирования, воспользовавшись отсутствием твердой власти в регионе, начали нападать на мусульманские села в регионе.

Противоречия, конфликты и столкновения происходившие в 1917 году, после провозглашения независимости, развернулись с новой силой. В виду отсутствия установленных границ, вопрос определения границ между сторонами конфликта оказался архисложным из-за позиции Армении. Конфликт с лета 1918 года фактически перерос в межгосударственный, так как в нападениях на мусульманские села принимали непосредственное участие вооруженные силы правительства Армении, наряду с вооруженными формированиями Андраника, Амазаспа, Дро, Нжде. До середины июня 1918 года, то есть до прихода в Азербайджан турецкой армии, армяне, пользуясь безоружностью населения, захватывают и разоряют тюрко-мусульманские села Южного Кавказа, убивают и изгоняют их жителей. После прихода на эту территорию турецкой армии и создания вместе с азербайджанцами Кавказской исламской армии и проведения ими определенных действий, можно сказать, что с июня по октябрь 1918 г., то есть до заключения между Великобританией и Османской империей Мудросского соглашения, тюрко-мусульманское население Южного Кавказа с серьезны-

ми нападениями армян не сталкивалось. Вывод турецкой армии с Южного Кавказа в октябре 1918 г. снова развязал армянам руки и стал причиной их новой агрессии [15, с.32]. Ввод британских войск в Азербайджан, армяне восприняли как благоприятный момент для захвата азербайджанских земель. Армянские вооруженные формирования снова начали нападать на мусульманские села, подвергая их грабежу, сопровождавшееся убийствами мусульманского населения. Чтобы защитить мусульман Карабаха, правительство Азербайджана, приняло решение создать Карабахское генерал-губернаторство. Генерал-губернатором был назначен Хосров бек Султанов, что вызвало возмущение и недовольство армян. В своих многочисленных обращениях к международным организациям и ведущим государствам, в нотах протеста к руководству Азербайджанской Демократической Республики, МИД Армении обвинило правительство Азербайджана в посягательстве «на территориальные права Араратской республики» и нарушение отношений между соседними странами. «Единственным выходом» из создавшегося положения Армения видела или в ликвидации азербайджанского генерал-губернаторства или же создание временного английского генерал-губернаторства [1, с. 172; 10, л. 7]. Ответ МИД Азербайджана на неправомерный протест армянской стороне был следующим: «Протест Вашего правительства против постановления об учреждении временного генерал-губернаторства в Джеванширском, Шушинском, Джебраильском и Зангезурском районах Азербайджанской Республики является неосновательным, так как эти районы составляют неоспоримые и неотъемлемые части Азербайджана» [2, с. 146–147; 4]. Создание генерал-губернаторства на время улучшило положение мусульман в Карабахе и Зангезуре.

Однако армяне не оставляли мысли захвата этих земель Азербайджана, и периодически армянские вооруженные формирования появлялись в различных селениях края, разрушая все на своем пути. Эти действия армян, вынуждали многих мусульман в целях безопасности покинуть свои дома и перебраться в более безопасные районы страны. В результате чего, число беженцев и внутренних переселенцев все время росло. Основной задачей правительства было оказание помощи всем пострадавшим и оказание содействия в их возвращении в родные дома. Так, премьер-министр Н.Б. Усуббеков в ответном письме заместителю союзного верховного комиссара полковнику Рею указывал: «В Зангезуре азербайджанская власть имеет в виду прекратить дальнейшее разорение мусульманских селений армянскими повстанцами, вернуть 60000 обездоленных мусульман беженцев к их очагам и восстановить правопорядок» [6; 3, с. 371].

В период независимости мусульмане Эриванской губернии находились в еще более бедственном положении. Мусульманский национальный совет в Эриване собрал материалы о положении мусульман и переслал их в МИД АДР для представления великим державам Европы и Америки. В ней отмечалось, что «даже без учета спорных территорий азербайджанцы составляют половину населения Армении. Но у них нет элементарных человеческих прав. Каждую ночь армянские боевики и бандитские группы нападают на 3–4 мусульманских дома, грабят и убивают людей в деревнях и городах, даже в столичном городе Эривань» [8, с. 418; 17, л. 66]. Вся Европа и Америка наслышаны о несуществовавшем геноциде армян, но никто не знает, что только в южной части Эриванской губернии разрушены сотни мусульманских деревень, 150 тысяч мусульман, изгнанных с искомых земель, стали беженцами без еды и крова [8, с. 418; 13, л. 1]. Сообщения о бедственном положении мусульман, живущих в Армении, правительство получало все время. Вот одно из таких сообщений, посланное жителями Ново-Баязетского уезда правительству: «Войска Арагатской Республики, местные армяне, а с ними армянские шовинисты и дашнакские разбойничьи отряды, неоднократно нападая на мирные мусульманские села, разоряют их, подвергая жителей их невиданным мучениям, оскорбляя нечеловеческими действиями. Разгромлено более 270 мусульманских сел, главная же цель – полное изгнание из Эриванской губернии оставшегося там мусульманского населения» [15, с. 34–35; 14, л. 360]. Правительство незамедлительно реагировало на все сообщения, полученные от мусульман, проживающих в Армении. В ноте министра иностранных дел М.Ю. Джафарова дипломатическому представителю Армении в Азербайджане сообщалось: «По имеющимся у азербайджанского правительства официальным и частным сведениям армянские войска с артиллерией окружили и обстреливают селения Бююк Веди, Чинанкенди, Гелеваш, Гашлу, а также другие соседние мусульманские селения» [11, л., с. 13]. Министр требовал от правительства Армении принять срочные меры и остановить убийства мирного мусульманского населения в республике.

В июле 1919 года, заместитель дипломатического представителя Азербайджана в Грузии Ф. Векилов направил ноту командующему британскими силами в Закавказье генерал-майору Г.Н. Кори: «Мое правительство получает ежедневно сведения о гонениях на мусульман в Эриванской губернии со стороны армянского правительства. Армянские регулярные войска посылаются против мусульманских селений и подвергают их разгрому, не щадя ни женщин, ни детей. Сотни беженцев из разоренных сел ежедневно проходят через Тифлис, ища спасе-

ния в Азербайджане. Мусульмане Эриванской губернии вопреки их желанию, волею союзных держав временно отданы под управление армянского правительства... Я от имени моего правительства, во имя чувства человечности, заявляю свой категорический протест против всякого рода насилий, чинимых правительством Армении над мирным мусульманским населением» [12, л. 69]. О крайне тяжелом положении мусульман в Армении и приграничных территориях свидетельствует сообщение, опубликованное в газете «Азербайджан» в конце октября 1919 года следующего содержания: «Систематические погромы мусульманских селений и истребление их жителей, очевидно, входят в программу действий правительства Арагатской республики. Никакие моления, просьбы, призывы к мирному сожительству, наконец, предупреждения и ноты министра иностранных дел на него не действует. Оно, это правительство, поставило себе задачей очистить территорию Арагатской республики от ненавистных ему мусульман и оросить их поля и сады их же кровью... Не проходит дня, чтобы в тех или других населенных мусульманами пунктах Армении не происходили погромы, насилия и убийства, чинимые армянами над мусульманами...» [3, с. 348; 5]. Автор статьи призывал обратить внимание на бедственное положение мусульман в Армении, и привлечь международное сообщество к решению этого вопроса.

На фоне трагических событий, происходивших ежедневно в Карабахе, Зангезуре и в других приграничных с Арменией территориях, для решения спорных территориальных вопросов, 23 ноября 1919 года в Тифлисе в присутствии министра иностранных дел Республики Грузия Е.П. Гегечкори, полк. Генерального штаба армии США, зам. союзного верховного комиссара Дж.С. Рея было подписано мирное соглашение между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения. Согласно соглашению, стороны договорились прекратить столкновения и не прибегать вновь к силе оружия; правительства согласились принять действенные меры для исправления и открытия дорог, ведущих в Зангезур, для мирного движения по ним; правительства обязались разрешать все спорные вопросы о границах, путем мирных соглашений, впредь до решений, имеющих быть принятыми конференцией [9, л. 13]. Соглашение вступило в силу с момента его подписания. Американцы считали, что это соглашение укрепит единство Кавказских республик и защитит их от деникинской угрозы. Об этом 5 декабря состоялась обширная беседа между Н. Усуббековым и полковником Реем в присутствии только что вернувшегося из Парижа М.Г. Гаджинского. На вопрос, что есть сведения о сговоре армян с Деникиным о совместном начале наступления, полковник Рей сооб-

шил, что «армяне, с одной стороны, пытаются его уверить в отсутствии связей с Деникиным, но, с другой стороны, несомненно, что продолжают поддерживать связь с Деникиным» [8, с. 467]. В то же время, полковник Рей уверил правительство Азербайджана, что Деникин не собирается нападать на мирный Азербайджан.

Несмотря на достигнутое соглашение, армянская сторона не выполнила условия соглашения. Азербайджан вывел свои войска из Зангезура, а армяне наоборот ввели туда дополнительные войска, и снова начали разрушать мусульманские села. Основной целью армян было очищение этих территорий от мусульман, для того, чтобы в дальнейшем представить эти земли как армянские территории с преимущественно армянским населением.

В то время как армянские вооруженные формирования нападали на мусульманские села, правительство Армении выразило согласие на проведение мирной конференции для решения спорных территориальных вопросов. Конференция была созвана в Баку и проходила с 14 по 21 декабря 1919 года. Главной задачей конференции было решение вопроса о спорных территориях между Азербайджаном и Арменией. Председателем конференции был назначен Ф.Х. Хойский, а председателем армянской делегации был назначен Арутюнянц.

Открывая конференцию М.Ю. Джафаров сказал: «С распадением Закавказья на отдельные самостоятельные республики остался целый ряд неразрешенных спорных вопросов о взаимоотношениях между этими республиками и о территориальных разграничениях между ними... задачей настоящей конференции является разрешение этих споров» [3, с. 397–398].

На первом заседании конференции Ф.Х. Хойский отметил, что: «... интересы народов Закавказья диктуют им установить между собой самое тесное и дружеское сожительство. Мне думается, что в этом единении заключается та сила, которая может сохранить достигнутое нами величайшее благо-независимость от всяких могущих потрясений» [2, с. 459]. Далее, Фатали хан огласил приветственную телеграмму верховного комиссара европейской конференции полк. Гаскеля следующего содержания: «Я горячо надеюсь, что спорные вопросы будут дружно разрешены... и я всегда готов помочь делегатам в вопросах о соглашении» [2, с. 462].

Фатали хан в своем выступлении отметил, что в преддверии конференции Азербайджан и Армения обменялись нотами, относительно тех вопросов, которые правительства считали необходимо обсудить на предстоящей конференции. В ноте Армянского правительства от 7 декабря 1919 г. предлагалось поставить на обсуждение конференции

следующие вопросы: 1. Установление временной пограничной (демаркационной) линии между обеими республиками, впредь до окончательного решения этого вопроса мирной конференцией; 2. беженский вопрос; 3. вопрос о заключении между республиками Азербайджаном и Арменией конвенций торговой и железнодорожной и 4. все остальные вопросы, разрешение коих совещание признает нужным. Министр иностранных дел азербайджанского правительства в своей вступительной речи на конференции отметил следующее: «Я, по поручению моего правительства, не возражая против постановки указанных в Вашем предложении вопросов, нахожу необходимым поставить на обсуждение вопрос не об установлении временной демаркационной линии между обеими республиками, а вопрос об окончательном разрешении всех приграничных споров между республиками Азербайджаном и Арменией» [16, л. 42–43].

На втором заседании конференции М.Г. Гаджинский, заявил что «главной задачей конференции является разрешение территориальных споров, на что указывает текст соглашения 23 ноября, почему и считает нужным начать обсуждение с территориальных вопросов. На что Арутюнянц ответил, что «... прежде всего должны подлежать обсуждению и решению вопросы финансово-экономического характера, беженский, а также должна быть установлена демаркационная линия временного характера». В ответ Фатали хан заявил следующее: «Демаркационная линия ничего нового не даст, так как соглашением 23 ноября фактически установлена... и в виду создавшегося положения медлить с разрешением территориального вопроса нельзя» [16, л. 43–44]. Член армянской делегации Бекзадян, настаивал, что еще не наступил момент для окончательного разрешения территориальных споров, почему думает, что гораздо целесообразнее решить вопросы экономического характера, а также вопрос об установлении демаркационной линии» [16, л. 43–44]. Как видно, армянская сторона не была готова к обсуждению вопроса о разграничении спорных территорий.

Далее, М.Г. Гаджинский в своем выступлении отметил, что «одной из причин, препятствующих установлению дружественных отношений между республиками и разрешению территориальных споров, является взаимное недоверие в отношении ориентации обеих республик. Армения подозревает Азербайджан в симпатии к Турции и в желании как бы слиться с ней, а Азербайджан, в свою очередь, подозревает Армению в заключении с Деникиным особого соглашения, направленного против Азербайджана... Между тем оснований к подозрению в отношении Азербайджана решительно никаких нет... правительство неоднократно высказывалось о желательности самостоятель-

ного существования и объединения его лишь со своими ближайшими соседями – кавказскими республиками в форме конфедерации, причем конфедерация мыслится им (оратором) как союз самостоятельных государств, находящихся под защитой Лиги наций или другой какой-либо общеевропейской организации, или отдельного сильного государства, и действующих в общих вопросах солидарно» [16, л. 44]. Арутюнянц по поводу создания конфедерации, высказал следующие суждения: «Вопрос о создании конфедерации, как затрагивающий все три республики, должен быть обсужден на Закавказской конференции, что для конфедерации необходимы два условия, которых в настоящее время нет, а именно, признание государственной самостоятельности Закавказских республик и оформленность в наличии гарантий со стороны европейских государств... вопрос о конфедерации слишком сложен... к нему необходимо подготовиться, и указал, что полномочий настоящей делегация для разрешения указанного вопроса не имеет» [16, л. 45].

Участники конференции пришли к выводу, что вопрос о создании конфедерации следует передать правительствам трех закавказских республик для разработки, после чего вынести для обсуждения на Тифлисскую конференцию Закавказских республик.

Представители армянской делегации предлагали начать обсуждение вопроса о территориальном разграничении между республиками, настаивая на установлении временной демаркационной пограничной линии, а также экономические вопросы.

Открывая заседание 19 декабря, Фатали хан совершенно неожиданно, сделал следующее заявление от имени азербайджанской делегации: «Точка зрения обоих правительств в территориальном вопросе настолько противоречивы, интересы обоих государств и народов так сплетены, что проведение резкого разграничения территорий в настоящее время может повести к нежелательным осложнениям, поэтому делегация находит возможным при данных условиях разрешать вопрос в постановке правительства Армении, именно в форме установления демаркационной линии. Указав на опыт Закавказской конференции, не давшей в территориальном вопросе никаких результатов... и, что территориальный вопрос, являющийся источником массы осложнений между обеими республиками, тем не менее должен быть разрешен и должны быть найдены пути и средства к его разрешению. Таким средством, по мнению азербайджанской делегации, является создание политического объединения Кавказских государств в форме конфедерации, которая положит конец взаимному недоверию и тем даст возможность объединившимся государствам ослабить остроту терри-

ториального вопроса» [16, л. 49–50]. Кардинальное изменение позиции азербайджанской делегации по вопросу разграничения территорий вызывает некоторое удивление и до конца непонятно почему через несколько дней после начала конференции, председатель конференции выступил с таким заявлением. Ведь еще пару дней назад с такой постановкой вопроса азербайджанская делегация была не согласна, и настаивала на окончательном разрешении всех приграничных споров. Возможно, стороны ожидали решения Парижской мирной конференции, и поэтому решили на время отложить обсуждение территориального вопроса на Бакинской конференции.

В ответной речи, Арутюнянц заявил, что: «Признавая всю важность выдвинутого вопроса о конфедерации, находит более целесообразным не обсуждать... вопроса о демаркационной линии, а прервать временно занятия конференции... созвать новую Закавказскую конференцию в Тифлисе для разрешения выдвинутого азербайджанской делегацией вопроса о конфедерации и связанных с ним других вопросов» [16, л. 50]. Удивительно, что после такого важного заявления Фатали хана, армянская делегация отказалась обсуждать вопрос о проведении демаркационной линии.

Что касается, создания конфедерации, то в виду того, что проекта конфедерации не было, стороны договорились выработать каждой стороне свой проект, а затем на его основе составить общий проект будущей конфедерации закавказских народов.

Последний день работы конференции, стороны обменялись своим видением создания в будущем конфедерации и о ее значении в жизни народов Южного Кавказа. Фатали хан резюмируя обсуждаемые вопросы, отметил, что «правительства наши, восприняв идею конфедерации, которая впервые высказывается здесь, приняли со своей стороны все меры к тому, чтобы мир и спокойствие между народами Закавказья ничем не были нарушены, чтобы до разрешения этого основного вопроса все могущие быть трения и осложнения были разрешены между этими народами миролюбиво» [16, л. 61–62]. От имени армянской делегации выступил Арутюнянц и выразил солидарность с азербайджанской делегацией в вопросе о создании конфедерации, в то же время, отметил, что: «Прежде чем приступить к обсуждению, нам нужно еще пустить эту идею в общественность и дать возможность обществу, правительству, парламентам обеих республик обсудить этот вопрос и потом только подойти к окончательному решению» [16, л. 62]. В заключительной речи Бекзаян, пожелал, чтобы «отныне вооруженных столкновений между двумя этими государствами не должно быть, что отныне все споры, которые будут происходить между этими

народами, как бы они не были трудно разрешимы, мечом разрешиться не должны» [16, л. 63].

Закрывая конференцию, Фатали хан подчеркнул, что: «Мы обещаем оказать возможное в пределах своего государства воздействие на руководящие круги и свое правительство в смысле разрешения всех спорных вопросов между народами Закавказья путем мирным, путем соглашения и взаимных уступок» [16, л. 64]. В итоговом заявлении, участники конференции выразили надежду на скорейшее разрешение всех конфликтных вопросов мирными средствами.

Бакинская конференция наметила определенные контуры в вопросах необходимости скорейшего разрешения спорных территориальных вопросов, и вынесла на повестку дня совершенно новый проект – создание конфедерации народов Южного Кавказа. Несмотря на то, что в итоговом заявлении сторон было заявлено, что впредь все спорные вопросы должны быть решены мирным путем, на деле добиться этого оказалось практически невозможно. В конце 1919–начале 1920 гг. Армения вновь нарушила все достигнутые договоренности, и направила вооруженные отряды в Зангезур и Карабах, которые разрушали мусульманские села. Из-за территориальных претязаний Армении к Азербайджану, вопрос о разграничении спорных территорий между двумя соседними странами так и не был решен в годы Первой Республики.

Список литературы:

1. Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). – Баку: Елм, 1998. – 316 с.
2. Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Внешняя политика (Документы и материалы). – Баку: "Азербайджан", 1998. – 632 с.
3. Азербайджанская Демократическая Республика. Документы и материалы. 1918-1920 гг. – Баку: "Элм", 1998. – 616 с.
4. Азербайджан. 1919, 1 февраля.
5. Азербайджан. 1919, 23 октября.
6. Азербайджан. 1919, 19 ноября.
7. Военно-дипломатическая борьба вокруг Карабаха и Зангезура в период АДР / <http://www.story.karabakh.center> (дата обращения: 22. 07.2024)
8. Гасанлы Дж. Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости. 1917-1920/Дж.Гасанлы. – М.:Флинта, 2011. – 672 с.
9. Мирное соглашение между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения/ Государственный Архив Азербайджанской Республики. Ф. 970, оп. 1, д. 95, л.13.

10. Нота протеста МИД Азербайджана Армении/ Государственный Архив Азербайджанской Республики. Ф.894, оп.4, д.90, л.7.
11. Нота министра иностранных дел М.Ю.Джафарова дипломатическому представителю Армении в Азербайджане/ Государственный Архив Азербайджанской Республики. Ф. 970, оп.1, д.165, л.13.
12. Нота зам. дипломатического представителя Азербайджана в Грузии Ф.Векилова командующему британскими силами в Закавказье ген.майору Г.Н.Кори/ Государственный Архив Азербайджанской Республики. Ф. 897, оп. 1, д.38, л. 69.
13. Об организации при Министерстве иностранных дел Азербайджанской Республики Особого агитационного отдела/ Государственный Архив Азербайджанской Республики. Ф. 970, оп. 1, д. 216, л. 1.
14. Обращение жителей Ново-Баязетского уезда к правительству АДР/ Государственный Архив Азербайджанской Республики. Ф.897, оп. 1, д.24, л.360.
15. Пашаев А. Геноцид, депортации и территориальные претензии армян к азербайджанскому народу (XIX-XX вв.)/Пашаев А. Баку: “Элм ве техсил”, 2013. – 152 с.
16. Протоколы заседаний азербайджано-армянской конференции/ Государственный Архив Азербайджанской Республики. Ф. 970, оп.1, д.95, л.43-45; л.52-59; л.60-64.
17. Список разоренных мусульманских селений в Эриванской губернии в 1919 г. / Государственный Архив Азербайджанской Республики. Ф. 970, оп. 1, д. 144, л. 66.

ОБЕРЕГАТЬ ИСТОРИЧЕСКОЕ, ДУХОВНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ – ЭТО ОБЯЗАННОСТЬ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Ходжиев Шахбоз Фарходжон угли

докторант

*Национального университета им. Улугбека,
Узбекистан, г. Ташкент*

PROTECTING HISTORICAL, SPIRITUAL, AND CULTURAL HERITAGE IS A RESPONSIBILITY OF ALL HUMANITY

Shakhboz Khodjiev

Doctoral student of

*National university of Uzbekistan,
Uzbekistan, Tashkent*

Аннотация. Историческое, духовное и культурное наследие – это уникальное достояние, которое передаётся из поколения в поколение, формируя идентичность народов. Сохранение этого наследия необходимо для поддержания культурного разнообразия и сохранения памяти о прошлом, что служит основой для будущего. Эта ответственность лежит на всем человечестве и требует международного сотрудничества и осознанного отношения.

Abstract. Historical, spiritual, and cultural heritage is a unique legacy passed down through generations, shaping the identity of nations. Preserving this heritage is essential for maintaining cultural diversity and remembering the past, which forms the foundation for the future. This responsibility rests on all humanity, requiring international cooperation and conscious efforts.

Ключевые слова: историческое наследие, духовное наследие, культурное наследие, сохранение наследия, культурное разнообразие, международное сотрудничество, идентичность.

Keywords: historical heritage, spiritual heritage, cultural heritage, heritage preservation, cultural diversity, international cooperation, identity.

Введение

Историческое, духовное и культурное наследие – это драгоценное наследство, передаваемое из поколения в поколение. Это не просто памятники, артефакты и произведения искусства, но и идеи, традиции, мировоззрение, которые формировали облик человеческой цивилизации на протяжении веков. Оберегать это наследие – значит сохранить память о том, откуда мы пришли, и понять, куда мы идём. Эта ответственность лежит не только на отдельных странах или учреждениях, но и на всем человечестве.

Что такое культурное и историческое наследие?

Под культурным и историческим наследием понимается совокупность материальных и нематериальных объектов, которые имеют историческую, культурную или духовную ценность для общества. Это могут быть древние руины, исторические здания, традиционные обычаи, языки, литература и музыка. Культурное наследие помогает сохранить идентичность народов, а также является источником вдохновения для будущих поколений.

Духовное наследие включает философские, религиозные и моральные идеи, которые формируют наше понимание мира. Оно связано с мировоззрением, верованиями и духовными практиками, которые являются частью человеческого опыта.

Почему важно сохранять культурное и духовное наследие?

1. Сохранение идентичности и разнообразия. Культурное наследие помогает народам сохранить свою уникальность и историю. Каждая культура имеет свои особенности, которые отражают её путь развития, мировоззрение и взаимоотношения с окружающим миром. Утрата культурного наследия может привести к разрушению национальной идентичности и унификации культур, что ослабляет разнообразие человечества.

2. Мост между прошлым и будущим. Наследие связывает нас с нашими предками и дает возможность будущим поколениям понять свои корни. Важно помнить, что без знания прошлого невозможно построить полноценное будущее. Мы учимся на ошибках и достижениях прошлых поколений, чтобы избежать их повторений.

3. Инструмент для диалога и взаимопонимания. Культурное и духовное наследие может быть мощным инструментом для взаимопонимания между народами. Изучение и уважение чужих традиций и обычаев способствует миру и гармонии в мире. Оберегание наследия

также является формой признания вклада каждой культуры в мировую цивилизацию.

4. Развитие туризма. Образование кадров в сфере обслуживания, обеспечение подготовленных кадров рабочими местами, также, улучшение транспортных путей и инфраструктуру в целом.

5. Развитие торговли. Местные ремесла могут развить торговлю в связи заинтересованностью туристов в местные рукодельные изделия. Всемирно известные маргиланский атлас, ферганские, андижанские тубетейки, а также, чувские ножи пользуются особым интересом со времен существования Великого шёлкового пути, что приведен к возрождению и развитию ремесла на регионах.

В Статье 61 Конституции Республики Узбекистан закреплено «Граждане обязаны оберегать историческое, духовное, культурное, научное и природное наследие народа Узбекистана. Историческое, духовное, культурное, научное и природное наследие охраняется государством» [1].

Действующий Закон Республики Узбекистан «Об охране и использовании объектов культурного наследия» [2] укрепляет и упорядочивает все возникающие проблемы и вопросы, связанные с охраной материальных и нематериальных объектов культурного наследия.

Согласно Указу Президента Республики Узбекистан от 18 февраля 2022 года №УП-75 «Об организационных мерах по совершенствованию государственного управления в сферах туризма, культурного наследия и спорта» [3], Постановлением Президента Республики Узбекистан «Об организации деятельности Министерства туризма и культурного наследия» №ПК-135 и Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по организации деятельности Министерства туризма и культурного наследия Республики Узбекистан» [4] установлен порядок деятельности Министерств и Агентств в сфере туризма.

Вышеприведённые законы и законодательные акты показывают огромную работу, проделанную в сфере сохранения объектов, и порядку ведения работ связанными с ними.

Ответственность человечества за сохранение наследия

Оберегать культурное, историческое и духовное наследие – это глобальная ответственность, требующая усилий не только от отдельных государств, но и от международных организаций и каждого отдельного человека. ЮНЕСКО, например, активно работает над охра-

ной объектов мирового наследия, таких как пирамиды Египта, Великая китайская стена или памятники античной Греции.

Кроме того, важную роль играют локальные сообщества и граждане. Без их участия невозможно сохранить многие традиции и обычаи, которые не являются материальными объектами, но всё же представляют большую культурную и духовную ценность.

Примеры утраты и разрушения наследия

История знает много случаев, когда культурное наследие было уничтожено в результате войн, конфликтов или халатного отношения. Например, разрушение археологических памятников в Сирии и Ираке во время войны с ИГИЛ (террористическая организация, деятельность которой запрещена в России) стало глобальной трагедией.

Как и во всем мире, в Узбекистане тоже не прошло без потери, и разрушений культурных объектов. Так, например, Медресе в Андижане в Царское и Советское время было превращено в базар, место раскопки древнего государства Давань на территории Мингтепа Мархаматского района Андижанской области до сих пор не защищено оборонительной и другими важными работами для сохранения исторического объекта.

Такие события показывают, насколько хрупко наше наследие и как легко его потерять. Но в то же время они напоминают нам о важности его защиты.

Как мы можем сохранить наследие?

1. Образование и просвещение. Одним из ключевых способов сохранения культурного и духовного наследия является образование. Обучение молодого поколения важности и ценности наследия помогает создать осознанное общество, готовое его защищать.

2. Международное сотрудничество. Борьба за сохранение наследия не может быть локальной. Международное сотрудничество и поддержка стран в этом процессе имеют решающее значение. Организации, такие как ЮНЕСКО, могут координировать усилия по защите объектов мирового значения.

3. Цифровизация наследия. В эпоху цифровых технологий сохранение культурного наследия может происходить и в цифровом формате. Оцифровка произведений искусства, памятников архитектуры, а также традиций и обычаев позволяет сохранить их даже в случае физического уничтожения.

Заключение

Оберегать историческое, духовное и культурное наследие – это обязанность всего человечества. Утрата наследия – это не просто потеря материальных объектов, это утрата нашей общей истории, нашего опыта и нашей идентичности. Каждый человек, независимо от его национальности или культуры, должен осознавать эту ответственность и вносить свой вклад в сохранение и защиту наследия для будущих поколений. Ведь только благодаря этому мы сможем сохранить мир и гармонию в многообразии человеческой цивилизации.

Список литературы:

1. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/6445147> (дата обращения: 12.10.2024).
2. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/10375> (дата обращения: 21.10.2024).
3. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/5868607>(дата обращения: 20.10.2024).
4. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lex.uz/docs/6176104> (дата обращения: 18.10.2024).

1.2. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ДАГЕСТАНА В V–X ВВ. И ПРОНИКНОВЕНИИ ИСЛАМА

Таймасханова Мадина Исламовна

*магистрант
исторического факультета,
Дагестанский Государственный Педагогический
Университет им. Р. Гамзатова,
РФ, г. Махачкала*

Гасанов Магомед Раджабович

*научный руководитель, д-р ист. наук,
проф. кафедры истории,
Дагестанский Государственный
Педагогический Университет им. Р. Гамзатова,
РФ, г. Махачкала*

TO THE QUESTION OF THE POLITICAL SITUATION OF DAGESTAN IN THE V – X CENTURIES AND THE PENETRATION OF ISLAM

Madina Taimaskhanova

*Undergraduate student,
Faculty of History,
Dagestan State Pedagogical University
named after R. Gamzatov,
Russia, Makhachkala*

Magomed Gasanov

*Scientific supervisor, Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of History,
Dagestan State Pedagogical University
named after R. Gamzatov,
Russia, Makhachkala*

Аннотация. Статья посвящена политическому положению Дагестана в V–X вв. и проникновению мусульманской религии в дагестанских владениях. В ней рассматривается вопрос о локализации на территории Дагестана политических образований: Лакз, Табасаран, Зирихгеран, Хайдак, Гумик, Серир, Джидан. В статье отмечается, что в VII в. Дагестан подвергся арабскому нашествию и с этого времени начинается период проникновения ислама. Источники особо выделяют первую половину VIII в., когда арабы вели упорную борьбу за укрепление своей власти в дагестанских владениях и насаждение мусульманской религии.

Abstract. The article is devoted to the political situation of Dagestan in the 5th-10th centuries and the penetration of the Muslim religion into the Dagestan lands. It examines the issue of localization of the following political entities on the territory of Dagestan: Lakz, Tabasaran, Zirikhgeran, Khaidak, Gumik, Serir, Dzhidan. The article notes that in the 7th century Dagestan was subjected to an Arab invasion and from that time the period of penetration of Islam began. Sources particularly highlight the first half of the 8th century, when the Arabs waged a stubborn struggle to strengthen their power in the Dagestan lands and to impose the Muslim religion.

Ключевые слова: Цахур, Дербент, ислам, Табасаран, арабы, источники, хроники, предания.

Keywords: Tsakhur, Derbent, Islam, Tabasaran, Arabs, sources, chronicles, legends.

После распада Кавказской Албании в V–X вв. на территории Дагестана возникли государственные объединения – Дербент, Лакз, Табасаран, Серир, Зирихгеран, Кайтаг (Хайтак), Гумик, «царство гуннов», Хазарский каганат и др. Границы этих владений подвергались существенным изменениям, влияние одних падало, другие же владения росли, включая новые территории.

Первое упоминание о Табасаране относится к IV в. У армянского автора кроме сообщения о войске таваспоров находим сведения о «всем корпусе Таваспорана». Армянская хроника Моисея Хоренского, также знает «народ тапатараны» [2].

Территория Табасарана располагалась к северо-западу от Дербента, в бассейне р. Рубас. Население здесь было этнически разнородным, хотя преобладающее место занимали местные жители – табасараны. Колонии персидских, а затем арабских поселенцев занимали ряд населенных пунктов.

Правитель владения носил титул Табасаран-шах. Земля табасаран раньше других подвергалась иноземным нашествиям, так как находилась в непосредственной близости к Дербенту. Это была богатая и густонаселенная область, с множеством укрепленных населенных пунктов. Наиболее древними из них являются Дарвак, Ерси, Дюбек, Марага и др. Вследствие непосредственной близости к Дербенту Табасаран часто попадал под политическую зависимость от дербентских феодальных правителей. Еще при сасанидских правителях отряды табасаранцев охраняли дербентские крепостные ворота, т. е. входили, в число, правительственных войск.

В начале IX в., источник упоминает о поместье Мухаммадия в Табасаране. В нем говорится то, как о селении, то как о городе. Исследователи считают: Мухаммадия – это Хумайдия (в Табасаране). Да и по другим источникам [2, с. 56-57] близлежащие теперь к Дербенту аулы считались табасаранскими. Что же касается владений Дербента в раннем средневековье, то они были незначительны. По карте Кавказской Албании таваспары в древности занимали территорию современного Табасаранского, Дербентского и часть Хивского районов [2, с. 57].

Территория нагорного Дагестана, в частности аварские земли, известна уже в сирийской хронике VI в. Захария Митиленского под названием Бат-Даду. Автор представляет жителей Бат-Даду как народ, живущий в горных районах, оседлый, с высокой земледельческой культурой. Бат-Даду скорее всего можно идентифицировать с именем дидойцев, известных еще по древним текстам. Однако Бат-Даду – понятие более широкое, чем собственно дидойские земли, – это нагорный Дагестан в целом, «горная страна», которую арабские авторы называли Сериром [5, с. 123].

Надо полагать, что это «царство» раннесредневекового Дагестана возникло в результате глубоких социально-экономических процессов. В его формировании, известную роль играли и внешнеполитические факторы, возникшие на Северо-Восточном Кавказе к этому времени (вторжение кочевых племен и походы арабов) [1, с. 75].

Дагестанские хроники никогда не называли территорию нагорного Дагестана Сериром. Они знают Аварию. Что касается названия Серир, то оно связано с персидско-арабской географической традицией. Арабские авторы называют территорию нагорного Дагестана землей «владельца трона», т. е. «Сахиб ас-серир», связывая это название с легендой о золотом троне последнего представителя Сасанидов, будто отправленном в Дагестан самим неудачливым правителем. Однако более вероятно, что Серир – то же самое, что и грузинское «мтиулета»,

т. е. «страна гор» или «страна горцев». Произошло это название не от арабского «серир» (трон), а от иранского корня сэг, т. е. «гора» [6, с. 203–204].

Столицей Серира был город, названный в арабском историко-географическом сочинении Хумрадж. Арабская графика позволяет уверенно утверждать, что Хумрадж – ошибочное написание названия Хунзах, известной резиденции аварских феодальных правителей [6, с. 206]. Серир был крупнейшим политическим образованием в раннесредневековом Дагестане, сыгравшим важную роль в истории Восточного Кавказа.

Политическое образование Кайтак «царство Кайтаг» возникло в VI–VIII вв. Его граница проходила к северу от Дербента на равнинной территории. По сообщению Масуди в Кайтаге царствовал мусульманин, «известный как Салифан и в его государстве нет других мусульман кроме него, его сына и семьи». В.Ф. Минорский, исходя из этого эпизода, считает, что хайдаки были тесно зависимы от хазар и получали от них титулы и инвеституру [6, с. 128]. У арабских географов и историков эта земля иногда называлась Хамзин [3, с. 56].

Кайтаг был расположен северо-западнее Дербента, границы его владений проходили на западе рядом с Сериром, на севере граница расширилась, вероятно, за счет земель разгромленного в X в. Хазарского каганата, на юге и юго-западе граница шла рядом с Гумиком, Табасараном и Дербентом.

Политическое образование Гумик было расположено на современной территории, занятой лакцами.

По мнению большинства исследователей в названии с. Кумух отражается наименование этого владения. Гумик был расположен в бассейне Казикумухского Койсу в Центральном Дагестане. По всем данным в X в. если не вся территория Гумика, во всяком случае, часть ее входила в Серир. К XIII веку вся территория Гумика вошла в Казикумухское шамхальство, а Кумух в течение ряда веков был его столицей.

Что касается названия Туман, то и поныне «соседи» (аварцы) называют лаков «туман» или «тумау» [5, с. 125].

Лакз был расположен в Южном Дагестане и охватывал территорию, занимаемую сейчас народами лезгинской группы языков. Автор конца IX в. Балазури сообщает, что арабский полководец Мерван, после того как разбил хазар, поселил их между Самуром и Шабираном, «на равнине в области Лакз» [5, с. 124]. Это говорит о том, что территория Лакза охватывала в X в. также земли южнее Самура, называемые ныне Мушкур, т.е. территорию бывшего Маската. Еще в Сирий-

ской хронике VI в. Маскат был известен под названием Базгун. «Базгун, – сообщает хроника, – земля со (своим) языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских» [6, с. 208].

В VI в. на территории Дагестана, на равнине к северу от Сулака и на узкой прибрежной полосе образовалось государство, получившее название «царство гуннов», хотя основу его составляло местное население. Гунны, пришедшие в IV в., подчинили местное население, но смешались с ним, сохранив свое имя в названии государства. В сирийской хронике VI в. к западу от Каспийских ворот названо тринадцать племен, многие из которых входили в «царство гуннов» [3, с. 57].

«Царство гуннов» превратилось впоследствии в составную часть Хазарского каганата [4, с. 100–101]. В середине VII в. в степях Северо-Восточного Кавказа сложилось Хазарское государство, сыгравшее значительную роль в политической и экономической жизни Кавказа.

Во второй половине VI в. хазары, как и многие народы Северного Кавказа, попали в подчинение Тюркскому каганату, сложившемуся в середине VI в. в Центральной Азии. Тюркский каганат был могущественным объединением, принимавшим активное участие в политической и военной жизни тех времен и воевавшим с кочевыми племенами. Дружбы с ним добивались Иран и Византия [8, с. 67].

Дербент – древнейший город Кавказа, не уступавший, в IX–X вв. по величине таким крупным в то время городам, как Тифлис и Берда. На кавказском и ближневосточном рынке были широко известны товары из Дербента, в первую очередь полотняные одежды, хлопчатобумажные ткани, марена, шафран. Дербент был также крупным морским портом. Для судов, шедших с Волги или же из прикаспийских стран, здесь имелся рейд, причем между рейдом и морем были выстроены две параллельные стены, а вход в порт был закрыт цепью. Суда могли войти в порт и выйти в открытое море только с разрешения городских властей.

В социально-экономической жизни народов Дагестана в V–X вв. произошли значительные сдвиги, вызванные дальнейшим ростом производительных сил.

В раннем средневековье в Дагестан проникает ислам. В Дагестане до ислама господствующими были первобытные верования. Авторы IX–XII вв. сообщают о «языческих» обрядах, особенно похоронных, у ряда дагестанских племен. Ибн Русте (X в.) подробно описывает похоронный обряд жителей Серира. Они же «поклоняются сухой голове». Население южного Дагестана (Лакз) назвало в связи с событиями середины X в. «неверными». Погребальный обряд жителей

Зирихгерана в XII в. не имеет ничего общего с мусульманским. Господство домусульманских верований документируется в погребальном обряде исследованных дагестанскими археологами средневековых могильников.

Ценный материал по домусульманским и дохристианским верованиям горцев дает фольклор народов Дагестана. Местные жители обожествляли силы природы, животного мира, поклонялись деревьям, рощам, воде, небу. Широко был распространен культ земли. С земледельческим культом был связан широко распространенный в Дагестане весенний праздник пахоты. Особое место занимал культ огня и связанное с ним поклонение солнцу и звездам.

В VII в. Дагестан подвергся арабскому нашествию и с этого времени начинается период проникновения ислама. Период наибольшего расцвета халифата (начало VIII в.) был вместе с тем временем активизации военной экспансии арабских войск. Источники и компиляции особо выделяют первую половину VIII в., когда в течение почти пятидесяти лет арабы вели упорную борьбу за укрепление своей власти в Дербенте и соседних ему землях.

Как известно, движение за объединение различных арабских племен, связанное с именем Мухаммеда, при преемниках его вылилось в войны за захват чужих территорий. Грабительские цели арабской феодализирующейся знати прикрывались лозунгами распространения в завоеванных землях ислама и избавления населения от социального гнета. Эпоха первых халифов и Омейядов была временем больших успехов новой религии за пределами Аравийского полуострова.

Первое известие о насаждении мусульманской религии принадлежит автору местной исторической хроники «Дербент -наме», относящему это событие к началу VII в. Сообщения местных хроник о повсеместном распространении ислама и строительстве мечетей во всех дагестанских владениях еще в VII–VIII вв. [7, с. 76–80] являются беспочвенными.

Однако нельзя отрицать некоторые успехи ислама в Дербенте и его окрестных селениях. К этому времени относится переселение большого числа арабских колонистов в Дербент и его окрестности для превращения этого района в опорный пункт дальнейших захватов и религиозной пропаганды.

К середине X в. Дербент стал мусульманским городом с мусульманской династией правителей. Цари Джидана и Табасарана были мусульмане. Часть «лакзов» также была исламизирована. В Семендере ислам занял значительные позиции. Основная же территория Дагестана сохранила старые верования.

Таким образом, источники дают возможность говорить об исключительно медленных темпах проникновения ислама в горы. К середине X в. ислам был сильнее всего распространен в районах, прилегающих к Дербенту. Что касается центрального и северного Дагестана (за исключением Семендера), то ни один из восточных авторов, ни данные археологии не документируют наличие здесь мусульманских элементов в X в.

Список литературы:

1. Атаев М.М. Авария в X–XV вв.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Ин-т истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 1995.
2. Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. – 252 с.
3. Гасанов М.Р. Дагестан и народы Кавказа в V–XV вв.: (некоторые вопросы этнической общности расселения и взаимоотношений) – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2008. – 191 с.
4. Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. – Махачкала: Дат. кн. изд-во, 1995. – 228 с.
5. История Дагестана. В 4 т. / АН СССР. Дагест. филиал. Ин-т истории, яз. и литературы им. Гамзата Цадасы / ред. Г.Д. Даниялов. – М.: Наука, 1967–1969. – Т.1. – М., 1967.
6. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
7. Фёдоров Я.А., Фёдоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе: ист.-этногр. очерки. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 296 с.
8. Тарихи Дербенд наме. – Тифлис: типография Я.И. Либермана, 1898. – 193 с.

1.3. ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ КАЗАХСТАНСКОЙ РЕПАТРИАЦИИ: ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Сыдығалиев Сункар Маратулы

докторант,
Евразийский национальный университет
имени Л.Н. Гумилева – ЕНУ,
Казахстан, г. Астана

FEATURES OF KAZAKHSTAN REPATRIATION: ETHNOLOGICAL ANALYSIS

Sunkar Sydygaliev

PhD student,
Eurasian National University
named after L.N. Gumilyov – ENU,
Kazakhstan, Astana

Аннотация. В статье «Особенности казахстанской репатриации: этнологический анализ» исследуются особенности репатриации этнических казахов (кандасов) в Казахстан, запущенной после провозглашения суверенитета в 1990 году. Цель репатриации – укрепление национальной идентичности и интеграция соотечественников в экономическую и культурную жизнь страны. За три десятилетия более миллиона казахов переселились в Казахстан, сталкиваясь с различными вызовами: языковыми барьерами, различиями в культурных кодах и бюрократическими трудностями. Автор анализирует роль социальной поддержки, культурной близости регионов расселения и государственной помощи.

Abstract. The article "Features of Kazakh repatriation: ethnological analysis" examines the features of the repatriation of ethnic Kazakhs (Kandases) to Kazakhstan, launched after the declaration of sovereignty in 1990. The purpose of repatriation is to strengthen national identity and integrate compatriots into the economic and cultural life of the country. Over three decades, more than a million Kazakhs have migrated to Kazakhstan, facing

various challenges: language barriers, differences in cultural codes and bureaucratic difficulties. The author analyzes the role of social support, cultural proximity of the regions of settlement and state aid.

Ключевые слова: репатриация, кандас, квоты, интеграция, адаптация.

Keywords: repatriation, Kandas, quotas, integration, adaptation.

В 1990 году, 25 октября, Казахская Советская Социалистическая Республика провозгласила свой суверенитет, открыв новую страницу в своей истории [4]. На фоне этих политических изменений была инициирована программа по возвращению этнических казахов, находящихся за пределами страны, на их историческую родину. Этот процесс, получивший название (репатриация), стал важным элементом государственной политики независимого Казахстана, отражающим стремление укрепить национальную идентичность.

Сегодня, спустя более трех десятилетий после провозглашения независимости, Казахстан сталкивается с задачей интеграции кандасов – этнических казахов, вернувшихся на свою родину [16]. В условиях многонационального общества, где сосуществуют различные этнические группы, особое внимание уделяется вопросам адаптации и культурной интеграции репатриантов в экономическую и социальную среду страны. Целью данного исследования является анализ процессов репатриации этнических казахов в Казахстане с акцентом на этнологические аспекты. В статье рассматриваются особенности репатриации через призму статистику, социальных исследований, опросов и фокус групп.

С 1991 года Казахстан проводит политику по репатриации этнических казахов, целью которой является возвращение и интеграция соотечественников в культурную, социальную и экономическую жизнь страны. По данным на 2024 год, на территорию Казахстана переселились 1,140 млн этнических казахов, что делает эту программу одной из крупнейших инициатив по репатриации среди стран Центральной Азии [9].

Современная программа репатриации Казахстана, реализуемая с 2011 года, основывается на Законе "О миграции населения" и регулируется системой ежегодных квот, которые направлены на возвращение этнических казахов на историческую родину [7]. Данная политика охватывает сложный набор правовых и экономических механизмов, включая интеграционные квоты, финансовую поддержку и содействие в трудоустройстве, но сталкивается с существенными вызовами, таки-

ми как коррупция, нецелевое использование средств, отсутствие четких критериев для включения в квоту и недостаточная правовая защита для репатриантов.

Анализ источников миграции показывает, что основным донором кандасов является Узбекистан, откуда прибыло 69,9% от общего числа репатриантов. Китай стал вторым по значимости источником с долей 10,3%, за ним следуют Туркменистан (7,1%), Монголия (4,0%) и ряд других стран (8,7%) [11, с. 70]. Данное распределение обусловлено историческими и географическими факторами, включая наличие крупных диаспор казахов в указанных странах, а также миграционными процессами XX века.

Возрастной состав репатриантов дифференцирован: 57,2% находятся в трудоспособном возрасте, 32,2% составляют молодёжь, и 10,6% – пенсионеры. Такая структура подтверждает демографическую устойчивость и потенциал влияния миграции на рынок труда. Трудоспособные репатрианты могут способствовать выполнению рабочей силы в ключевых отраслях экономики. Половая структура (48% мужчин и 52% женщин) почти совпадает с общенациональными показателями, где доля мужчин составляет 48,8%, а женщин – 51,2%, что позволяет говорить об отсутствии существенного дисбаланса [3].

Примерно 3% репатриантов избегают получения казахстанского гражданства. Основными факторами отказа являются экономические и социальные условия [2, с. 16]. В частности, среди тех, кто не оформляет гражданство, выделяются представители малого и среднего бизнеса, для которых статус нерезидента предоставляет налоговые и таможенные преимущества. Ещё одна группа – пенсионеры, для которых финансовые ограничения на получение минимальных социальных выплат в Казахстане оказываются непривлекательными. Поскольку пенсионные выплаты для неграждан могут быть выше, чем минимальная пенсия для граждан, это влияет на выбор репатриантов.

Ранее кандасов преимущественно расселяли в южных и западных областях страны, таких как Мангистауская, Алматинская, Жамбылская и Туркестанская. В 2023 году Казахстан пересмотрел список областей, где предоставляются квоты для переселения этнических казахов. Теперь квоты можно получить в Павлодарской, Северо-Казахстанской, Костанайской, Восточно-Казахстанской, Абайской, Акмолинской, Улытауской и Карагандинской областях [18]. Причина отказа в расселении на юг и запад – трудоизбыточность, перенаселенность, дефицит земли и воды, сокращающееся население северо-восточных областей. Только в этих областях кандасы смогут получить в большем количестве квоты, предполагающие субсидии на переезд, аренду и оплату

коммунальных платежей в течение года; сертификаты экономической мобильности на приобретение жилья; освобождение от уплаты налогов на имущество для личного пользования; бесплатные консультации в центрах адаптации и интеграции кандасов; места в образовательных учреждениях профессионального образования; помощь в трудоустройстве наравне с гражданами Казахстана. Информация обо всех льготах и преференциях, памятка кандасам размещены на сайте Министерства труда и социальной защиты населения, вебпортале Электронного правительства и в центрах адаптации и интеграции кандасов.

Несмотря на увеличение количества квот и условий адаптаций в северные и центральные регионы, южные регионы остаются предпочтительными по социокультурным и экономическим причинам. Например, северные и центральные регионы, такие как Акмолинская и Павлодарская области, первоначально были целевыми регионами программы, особенно в 1990-е годы, когда квоты нацеливались на компенсацию оттока населения в этих районах. Однако изменение экономических условий в 2000-е годы привело к миграции кандасов в южные области. Также здесь преобладает казахоязычная среда, и высокая концентрация этнических казахов способствует быстрой адаптации репатриантов [6, с. 137].

Система квот является структурирующим элементом казахстанской репатриационной политики, направленным на управление потоками миграции и удовлетворение потребностей регионов. Первая квота была утверждена в 1993 году и позволила репатрироваться 10 000 семьям (около 40 000 человек) [1]. В условиях экономических кризисов конца 1990-х годов квота была сокращена до 500 семей, однако с начала 2000-х годов, на фоне стабилизации экономической ситуации, квоты были значительно увеличены. В 2005 году, согласно Указу Президента Республики Казахстан, квота составила 15 000 семей, а в 2009 году достигла 20 000 семей [11]. Тем не менее, фактические показатели иногда превышали официальные: в 2009 году было зарегистрировано 45 511 прибывших, что более чем вдвое превышает установленный показатель [14]. На 2024 г. региональная квота приема кандасов и переселенцев установлена в количестве 2433 человека. Квота выделяется с учётом запросов репатриантов, которые могут указать предпочтительные для себя регионы [17]. Решение принимается региональными департаментами миграции, и, если заявка репатрианта отклонена, он может повторно подать её только в следующем году.

Финансирование программы интеграции репатриантов в значительной мере зависит от государственного бюджета, а также международных организаций (ООН, МОТ), которые обеспечивают финансовую

и экспертную поддержку. Например, в начале 2000-х годов на интеграционные процессы выделялись значительные средства, начиная с 375 миллионов тенге в 2002 году, что возросло до 11,1 млрд тенге в 2006 году [20, с. 14]. Однако отчеты свидетельствуют о нецелевом расходовании этих средств: значительная часть из выделенных сумм не доходила до нужд репатриантов. В 1996 году, например, из 670 миллионов тенге, запланированных на программу, было освоено лишь 210 миллионов, что привело к дефициту жилья и социальных услуг для тысяч репатриантов [20, с. 20]. Подобные случаи вызывают опасения по поводу эффективности системы распределения средств.

Социологические исследования показывают, что основными мотивами репатриации остаются стремление к жизни на исторической родине (73,4%), забота о будущем поколении (69,4%) и желание способствовать развитию Казахстана (45,4%) [12, с. 174]. Тем не менее, ряд социальных и экономических факторов, таких как погодные условия, доступность жилья и уровень занятости, оказывают значительное влияние на расселение и интеграцию. Репатрианты часто сталкиваются с языковыми барьерами, трудностями в трудоустройстве по специальности, отсутствием поддержки со стороны местных администраций и проблемами в системе образования, что сдерживает успешную адаптацию. Существует ряд факторов, что создают условия и преграды для их адаптации.

Одним из наиболее значимых факторов адаптации кандасов является наличие социального капитала – семейных и дружеских связей, которые играют роль в процессе миграции и интеграции. Как отмечают исследователи, социальный капитал, включающий поддержку со стороны родственников и знакомых, помогает репатриантам быстрее обустроиться на новом месте, найти жильё и работу [8]. В традиционном казахском обществе связь с предками и родственниками до седьмого колена («шежире») имеет высокую значимость, что формирует основу для консолидации репатриантов [13]. Исследования показывают, что 57% респондентов положительно оценивают такие культурные особенности, как взаимовыручка и взаимопомощь, что способствует формированию социальной поддержки и укреплению связей среди этнических казахов, независимо от их страны происхождения.

Другим важным фактором является культурная и ментальная близость в казахоязычных регионах. Репатрианты чаще выбирают для проживания регионы с преобладанием казахского языка и традиционных ценностей (например, Южный и Западный Казахстан), поскольку это облегчает адаптацию и снижает уровень культурного стресса. В казахскоязычных районах больше ценятся традиции, религия и уваже-

ние к родному языку, что создаёт для репатриантов атмосферу принадлежности. Исследование 2019 года показало, что жители южных и западных областей в большей степени склонны использовать казахский язык в бытовых и профессиональных коммуникациях, тогда как в северных регионах уровень согласия с этим существенно ниже [5, с. 72]. Это различие подчёркивает важность культурной среды для адаптации, особенно для кандасов из Китая и Монголии, где язык и культурные коды отличаются от казахстанских.

Казахстанская государственная политика также оказывает значительное влияние на адаптацию кандасов, поддерживая их интеграцию через различные экономические и социальные программы. В центрах адаптации репатрианты получают информацию о законодательстве, доступ к курсам казахского языка и навыкам, необходимым для трудоустройства. Государство также поддерживает создание фермерских хозяйств и выделяет земельные участки, что помогает кандасам укрепиться в экономической и социальной сфере. Однако наблюдаются определённые трудности в реализации этих программ: репатрианты представляют собой гетерогенные группы, различающиеся по уровню образования, знанию языка и профессиональной подготовке [5, с. 74]. Это требует от государства более дифференцированного подхода к адаптационным программам для обеспечения эффективной интеграции различных групп.

Система управления в вопросах поддержки кандасов часто сталкивается с проблемой бюрократических преград и недостаточной эффективностью работы чиновников. Вопреки официальным утверждениям о решении всех проблем, с которыми сталкиваются репатрианты, данные социологических исследований показывают, что кандасы испытывают сложности при обращении в государственные структуры. Зачастую они сталкиваются с необходимостью посещать несколько кабинетов для решения одной проблемы, что приводит к затягиванию сроков получения документов и доступа к социальным услугам [19]. Это создает ощущение отчуждённости среди репатриантов и снижает уровень доверия к государственным органам. Примером служит ситуация, когда кандасы вынуждены обращаться за помощью к знакомым или даже к СМИ, чтобы их проблемы были решены.

Создание специализированных поселений для кандасов, хотя и направлено на улучшение их жилищных условий, часто приводит к образованию своеобразных «анклавов». Это способствует изоляции репатриантов от местного населения и усложняет процесс их культурной и социальной интеграции. Некоторые эксперты считают, что такая политика препятствует социализации кандасов, создавая обособлен-

ные группы, которые не интегрированы в местные сообщества. Примером является микрорайон Асар, где репатрианты живут преимущественно среди себе подобных, что ограничивает их возможности для взаимодействия с коренными жителями [10]. Данная ситуация также порождает напряжение среди местного населения, которое может воспринимать кандасов как чуждую группу, не стремящуюся интегрироваться.

Языковой барьер остаётся одной из главных преград для успешной интеграции кандасов, особенно в регионах с высоким уровнем русскоязычной коммуникации. Репатрианты из дальнего зарубежья, где основным языком общения был казахский, зачастую испытывают дискомфорт, сталкиваясь с требованием использовать русский язык. Это вызывает у них негативные чувства и чувство несправедливости, так как они ожидали, что смогут использовать родной казахский язык в Казахстане [9]. Культурные различия также усложняют процесс адаптации: кандасы из различных стран привносят свои обычаи и традиции, которые могут не совпадать с привычными для местного населения нормами, что приводит к недопониманию и даже конфликтам.

Нехватка информации о правах и возможностях репатриантов в Казахстане является ещё одним значительным барьером. Из-за отсутствия должной осведомленности многие кандасы не знают, как правильно пользоваться государственными услугами, что приводит к уязвимости перед недобросовестными посредниками, которые предлагают свои услуги за плату. Ситуация усугубляется тем, что СМИ в Казахстане зачастую сосредотачиваются на негативных аспектах миграции, освещая проблемы, связанные с адаптацией, без упоминания успешных примеров интеграции [5]. Это способствует формированию негативного общественного восприятия кандасов, что ещё более затрудняет их интеграцию.

Процесс интеграции кандасов подразумевает необходимость учитывать их культурные и исторические корни, чтоб способствовать созданию более устойчивого и сплоченного общества. Важно признать, что успешная интеграция требует совместных усилий со стороны как репатриантов, так и местного населения, основанных на диалоге и уважении к культурным различиям.

В заключение, исследование особенностей казахстанской репатриации выявляет уникальные аспекты для своего региона. Уникальность кандасов определяется их многослойной идентичностью, в которой пересекаются элементы традиционной казахской культуры и их собственный исторический опыт. Это создает предпосылки для формирования гибкой культурной идентичности, способной к интеграции в новое общество. Однако адаптация кандасов также сопряже-

на с рядом вызовов. Языковые барьеры, различия в образе жизни и социальные стереотипы могут препятствовать их успешной интеграции. Важно отметить, что успешность этого процесса зависит от комплексного подхода, включающего поддержку со стороны государственных структур и открытость общества к многообразию.

Список литературы:

1. Аналитический отчет. Итоги Национальной переписи населения 2009 года. Статистический сборник. Под редакцией Смаилова А.А. Астана: Бюро национальной статистики АСПиР РК, 2011. – 65 с.
2. Bargas H., Werner C. The Kazakhs of Western Mongolia: Transnational Migration from 1990-2008 // *Asian Ethnicity*. 2010. – № 2(11). – P. 209-228.
3. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Численность населения по полу и типу местности на 1 апреля 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: [https://stat.gov.kz/upload/iblock/859/ox2ryqaiseaa98co97m8vaz2lq076rrf/%D0%91-18-06-%D0%9A%20\(1%202024\)%20%D1%80%D1%83%D1%81.pdf](https://stat.gov.kz/upload/iblock/859/ox2ryqaiseaa98co97m8vaz2lq076rrf/%D0%91-18-06-%D0%9A%20(1%202024)%20%D1%80%D1%83%D1%81.pdf) (дата обращения: 10.10.2024).
4. Декларация о государственном суверенитете КазССР. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/B900001700_ (дата обращения: 10.25.2024).
5. Жампеисов Д., Рязанцев С., Перемышлин С., Жампеисов Д. Опыт стран Центральной Азии и Российской Федерации в вопросах управления этнической репатриацией // *Центральная Азия и Кавказ*. – 2020. Т. 23. – № 1. С. 138 – 152.
6. Жанбосинова А., Карибаев М. Вопросы адаптации репатриантов в проекте ПРООН на примере Восточного Казахстана // *Отан тарихы*. – 2019. – № 3. С. 134 – 145.
7. Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV «О миграции населения». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477> (дата обращения: 20.10.2024).
8. Ивахнюк И. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // *Век глобализации*. Москва: МГУ факультет глобальных процессов, – 2016. – № 1 – 2. С. 26 – 43.
9. Комитет по миграции Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. 12,3 тыс. этнических казахов получили статус кандаса с начала 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/868987?lang=r> и (дата обращения: 10.25.2024).
10. Колчигин С.Ю. Духовность как глубинный смысл человеческой идентичности // *Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания*. Книга 3 / общ. ред. Бижанова А.К., Нурмуратова С.Е. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2020. С. 212 – 259.

11. Курганская В.Д., Шаукенова З.К., Дунаев В.Ю., Абрахматова Г.А. Репатрианты в Казахстане: анализ проблем интеграции в социологическом измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2024. – № 4. С. 67 – 90.
12. Мамедова П.И. Проблемы интеграции кандасов в общественно-политические процессы в полиэтничном сообществе Казахстана (на примере Жамбылской области) // Этносоциальные процессы в Республике Казахстан. Сборник научных статей. Часть 4 / отв. ред. Шайкемелев М.С.-А. Алматы: Издательство ИФПР КН МОН РК, 2023. С. 170 – 182.
13. Муқанова З. Скотоводство и взаимопомощь: чем занимаются кандасы на юго-востоке Казахстана? // VLAST. URL: <https://vlast.kz/obshestvo/54306-skotovodstvo-i-vzaimopomos-cem-zanimautsa-kandasy-na-ugovostoke--kazahstana.html> (дата обращения: 20.10.2024).
14. Национальное бюро статистики АСПиР РК. Итоги Национальной переписи населения 2009 года. Под редакцией Смаилова А.А. Статистический сборник. Астана: 2011. – 230 с.
15. О квоте иммиграции оралманов на 2005-2007 годы. К Указу Президента Республики Казахстан от 27 декабря 2004 года № 1508. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U040001508_ (дата обращения: 20.10.2024).
16. Об утверждении Правил присвоения или продления статуса кандаса. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1300008624> (дата обращения: 10.25.2024).
17. Приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан «Об установлении региональной квоты приема кандасов и переселенцев на 2024 год». Комитет по миграции. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/documents/details/578647?lang=ru> (дата обращения: 20.10.2024).
18. Прошло очередное заседание «Общественной комиссии» при НАО «Фонд Отандастар» [Электронный ресурс]. URL: <https://oq.gov.kz/ru/news/959sheteldegi-qazaq-madeni-uyumdayryna-ulttyq-aspartar-sapasynasani-dgarasqan-ultty> (дата обращения: 20.10.2024).
19. Сабеков С. В Казахстане изменятся правила присвоения статуса кандаса // КАЗИНФОРМ. 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://www.inform.kz/ru/v-kazahstane-izmenyatsya-pravila-prisvoeniya-statusa-kandasa-a2a1b9> (дата обращения: 20.10.2024).
20. Садырова М., Амитов С. Миграционные процессы в Казахстане и социальная адаптация оралманов. Социологический анализ. Саарбрюкен: Palmarium Academic Publishing, 2014. С. 29.

РАЗДЕЛ 2.

ПОЛИТОЛОГИЯ

2.1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ЕС-УЗБЕКИСТАН: СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ЭКОЛОГИИ

Темирбаева Айгерим Кайратовна

*преподаватель-стажер,
Узбекский государственный
университет мировых языков,
Узбекистан, г. Ташкент*

EU-UZBEKISTAN: COOPERATION IN THE FIELD OF ECOLOGY

Aygerim Temirbaeva

*Trainee teacher,
Uzbek State University
of World Languages,
Uzbekistan, Tashkent*

Аннотация. В статье рассматривается сотрудничество между ЕС и Узбекистаном в области экологии, акцентируя внимание на совместных инициативах, проектах и программах, направленных на устойчивое развитие и охрану окружающей среды, в частности Арала.

Abstract. The article examines cooperation between the EU and Uzbekistan in the field of ecology, focusing on joint initiatives, projects and programs aimed at sustainable development and environmental protection, in particular the Aral Sea.

Ключевые слова: ЕС, Узбекистан, экологическое сотрудничество, Арал.

Keywords: EU, Uzbekistan, environmental cooperation, Aral.

Катастрофу Аральского моря считают одной из самых страшных экологических катастроф на планете, произошедшей из-за вмешательства человека, а не из-за географических и климатических изменений. Когда-то четвертое по величине озеро в мире, которое из-за своего размера называли морем, в настоящее время уменьшилось более чем на 90 процентов от своего размера более шестидесяти лет назад, в основном из-за изменения маршрута рек, входящих в его состав.

Начиная с 1930-х годов, Аральская катастрофа начала обретать свои очертания. С увеличением сельскохозяйственных угодий для дальнейшего развития процветающей хлопковой промышленности потребление воды также резко возросло. В соответствии с планом советского правительства по орошению пустыни путем осуществления диверсионного проекта по выращиванию риса, дынь, зерновых культур и хлопка на артериях Аральского моря было построено множество ирригационных плотин и каналов. Более того, плохо построенные каналы также привели к нерациональному расходованию воды на серьезном уровне.

В 1960-е годы уровень воды в Аральском море резко падал, так как до 60 кубических километров воды вместо моря уходило на сельскохозяйственные угодья. Количество перенаправляемой воды сильно увеличилось, так как производство хлопка на сельское хозяйство удвоилось в период с 1960 по 1980 годы [2].

В соответствии со снижением уровня воды площадь поверхности моря также сократилась примерно на 60 % в период с 1960 по 1998 год. В то время как площадь Аральского моря составляла около 68 000 км² в 1960 году, зарегистрированная площадь в 1998 году составляла 28 687 км². Его положение среди крупнейших озер за этот период также опустилось с четвертого на восьмое место [7].

Несмотря на географические изменения, эта катастрофа также повлияла на процветающую рыбную экономику, экосистему и на здоровье жителей. Рыбная промышленность, которая когда-то производила одну шестую часть улова в Советском Союзе и где работали около 40 000 человек, была разрушена. Использование пестицидов также росло угрожающими темпами. С постепенным ростом индустриализации и падением высокого уровня воды Аральское море стало слишком соленым даже для водных животных, чтобы выжить. Морская жизнь сильно пострадала, и постепенно рыбная промышленность пережила

небывалый спад, что стало одним из главных последствий умирающего Аральского моря.

Экосистема Аральского моря была разрушена в основном в результате повышенной солености, а также испытаний оружия и других стоков удобрений. Соленость воды Аральского моря к 1990 году составляла около 376 г/л по сравнению с соленостью обычной морской воды 35 г/л [2]. Помимо использования пестицидов, такие действия, как испытания оружия, также привели к образованию огромных равнин, покрытых солью и токсичными химикатами.

Земля вокруг Аральского моря также сильно загрязнена, и люди, живущие в прилегающих районах, страдают от многих проблем со здоровьем, а также от нехватки пресной питьевой воды. Согласно сведениям, в результате жители этих районов необычно часто страдали от проблем со здоровьем – от рака горла до анемии и болезней почек, а детская смертность в регионе была одной из самых высоких в стране [5].

С исчезновением рек, впадающих в район Аральского моря, питьевая вода стала очень ценным ресурсом. Нехватка воды и загрязнение хранимой питьевой воды являются важными причинами фекально-оральной передачи болезней в домохозяйствах в районе Аральского моря. Соответственно, часто регистрируются гепатит А и диарейные заболевания [1].

С 1991 года Узбекистан решил улучшить положение умирающего Аральского моря. В 1994 году все пять стран Центральной Азии приняли Программу бассейна Аральского моря для возрождения моря, направленную на стабилизацию окружающей среды и реабилитацию зоны бедствия вокруг Аральского моря.

Европейский Союз также вносит свой вклад в решение вопросов социально-экономического развития Приаралья. Проект ЕС «Многопартнерский трастовый фонд для региона Приаралья» реализуется в размере 5,2 млн евро. Это инновационный механизм совместного финансирования, разработанный для решения многогранных, сложных социальных, экономических, экологических, гуманитарных и других проблем на основе целостного подхода. Ожидается, что созданный фонд Аральского моря значительно повысит эффективность усилий, предпринимаемых для улучшения условий жизни местного населения, улучшения инфраструктуры, создания благоприятных условий для развития предпринимательства и частного сектора, а также внесет вклад в социально-экономическое и экологическое развитие региона [7].

Постановлением Президента Республики Узбекистан от 12 февраля 2020 года Международным инновационным Центром Приаралья при Президенте Республики Узбекистан реализуется проект «Мой сад

в Аральском море», который также важен для озеленения Приаралья [4]. С целью привлечения средств иностранных доноров и расширения территории декоративного сада «Мой сад в Аральском море» были проведены переговоры с Европейским Союзом, в результате которого был подписан договор на создание сада с 27 тысячами саженцами деревьев стоимостью 55260 долларов США. 28 апреля 2022 года при участии делегации ЕС была торжественно начата посадка деревьев в Муйнакском районе. Основные работы по посадке деревьев начались 1 ноября и завершились 1 декабря [6].

Кроме того следует отметить и проект Федерального министерства экономического сотрудничества и развития Германии (BMZ – Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung) под названием «Экологическое и экономическое развитие Приаралья», ориентированный на 2020–2024 годы. Проект следует комплексному подходу к экономическому развитию региона Приаралья. Этот подход учитывает экологическую устойчивость и вовлекает население в экономическое развитие и долгосрочное сохранение средств к существованию. Цель состоит в том, чтобы способствовать экономическому росту в регионе и в то же время свести к минимуму негативное взаимодействие в экологической и социальной областях [3].

Таким образом, Аральская катастрофа привела к серьезным экологическим последствиям, таким как высыхание рыбных запасов, уничтожение флоры и фауны, повышение уровня солености и загрязнение окружающей среды. Кроме того, высыхание Аральского моря привело к появлению песчаных бурь, которые представляют угрозу для здоровья людей и животных в регионе. Сегодня Узбекистан с помощью международных организаций, с другими странами работают над решением этой проблемы, в том числе путем восстановления водных ресурсов и экологических систем.

Список литературы:

1. Исчезающее Аральское море: медицинские последствия экологической катастрофы [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://tidsskriftet.no/en/2017/10/global-helse/vanishing-aryl-sea-health-consequences-environmental-disaster> (29.05.2024).
2. Катастрофа Аральского моря: почему высохло одно из крупнейших внутренних морей? [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.marineinsight.com/environment/aryl-sea-disaster-why-one-of-the-biggest-inland-seas-dried-up/> (29.05.2024).
3. Мой сад в Аральском море. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://iic-aralsea.org/my-garden-in-the-aryl-sea/> (29.05.2024).

4. Постановление Президента Республики Узбекистан, от 16.10.2018 г. № ПП-3975. «Об образовании международного инновационного центра Приаралья при Президенте Республики Узбекистан». [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://lex.uz/docs/3994105> (23.04.2024).
5. Экологические последствия. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.britannica.com/place/Aral-Sea/Environmental-consequences> (29.05.2024).
6. Central Asia Drug Action Programme. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.giz.de/en/worldwide/14393.html> (29.05.2024).
7. Multi-Partner Human Security Trust Fund for the Aral Sea region. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.undp.org/uzbekistan/publications/multi-partner-human-security-trust-fund-aral-sea-region> (29.05.2024).

РАЗДЕЛ 3. СОЦИОЛОГИЯ

3.1. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Тишкина Анна Серафимовна

аспирант,

Институт экономики и управления

Белгородского государственного

национального исследовательского университета,

РФ, г. Белгород

PRINCIPLES OF SOCIAL MANAGEMENT IN A PRODUCTION ORGANIZATION IN MODERN CONDITIONS

Anna Tishkina

Postgraduate student,

Institute of Economics and Management,

Belgorod State National Research University,

Russia, Belgorod

Аннотация. В современных условиях вопросы повышения эффективности деятельности отечественных производственных организаций стоят крайне актуальными. В данной статье рассмотрены и проанализированы принципы социального управления в организациях, как действенный инструмент повышения эффективности деятельности всей организации. Автор указывает на взаимосвязь уровня социального управления и эффективности организации.

Abstract. In modern conditions, the issues of increasing the efficiency of domestic production organizations are extremely relevant. This article examines and analyzes the principles of social management in organizations as an effective tool for increasing the efficiency of the entire organization. The author points out the relationship between the level of social management and the efficiency of the organization.

Ключевые слова: социальное управление, принципы социального управления, обратная связь в управлении.

Keywords: social management, principles of social management, feedback in management.

Социальное управление стоит рассматривать не только как самостоятельную отрасль научного знания, но и как отдельное направление производимого управления в современной производственной организации.

Эпоха стремительных перемен выдвигает необходимость в инновационных управленческих подходах, способных не только отвечать на современные вызовы и риски, но и повышать эффективность деятельности всей организации.

Как отмечает В.Н. Иванова: «Управление – это процесс проектирования и инновации социальных организаций, мотивации людей к деятельности для достижения целей организации» [1, с. 6].

Принципы выражают собой необходимые основания для управленческой деятельности, на основании которых производится руководство субъектами социального управления. На основании принципов социального управления строится весь процесс управления производственной организацией.

Термин «принципы управления» появился во времена «Школы научного менеджмента» в начале XX века. Уже тогда была осознана необходимость применения в практике управления таких принципов, как научность, оптимальность, эффективность, ответственность.

В социальном управлении принципы разделяются на три группы: общие, функциональные и частные. Общие принципы применимы ко всей системе социального управления, специальные – к отдельным функциям, частные – к управленческим действиям.

Общие принципы выражают основу социального управления, функциональные принципы обеспечивают реализацию основных функций социального управления, частные принципы определяют правила и требования к управленческим действиям в организации.

Таблица 1.

Группы принципов социального управления в организации

Группа принципов	Наименование принципов
Общие	Объективности, научности, системности
Функциональные	Плановости, единоначалия, мотивации
Частные	Дифференцированного подхода, инициативы, адресности

Принцип объективности представляет собой требование к закономерности развития управления в организации, его регулярного анализа и изучения.

Принцип научности выступает одним из главных принципов управления. Научный подход необходим, так как сложными социальными системами невозможно управлять без глубоких знаний. Реализация данного принципа выражается в наличии у руководства необходимой информации о научных основах управления, которые позволяют принимать обоснованные решения даже в условиях стремительного и непредсказуемого изменения ситуаций.

Принцип системности отражает необходимость соединения всех видов и компонентов управления в единое целое, а также их тесную взаимосвязь. Составными принципами системности выступают целостность, единство управленческих действий и согласованность.

Принцип плановости заключается в определении основных направлений и пропорций развития системы социального управления на долгосрочную перспективу. На базе данного принципа только на основе планирования производительная система социального управления способна полноценно и эффективно функционировать, и развиваться. На практике этот принцип решительно отвергает «невидимую руку рынка», усиленно внедряемую в массовое сознание как единственное организующее начало социальной жизнедеятельности организации.

Принцип единоначалия определяет, что полномочия руководства организации сосредоточены в руках конкретного лица – руководителя, который несет ответственность за свои управленческие решения и действия. При этом каждый сотрудник непосредственно подчинен только одному руководителю и должен получать распоряжения и исполнять указания своего непосредственного руководителя.

Принцип мотивации направлен на создание в организации действующей системы, формирующей сознательное, заинтересованное

отношение к выполнению функциональных обязанностей сотрудниками с учетом инструментов материального и морального поощрения.

Принцип дифференцированного подхода в социальном управлении предполагает определение особенностей объектов управления и выбор содержания, организации и форм реализации управляющих воздействий в зависимости от специфики видов деятельности. Этот принцип применяется в работе как с отдельными сотрудниками, так и с социальными группами, с учётом их интересов, настроений, социальных чувств.

Принцип инициативы состоит в поддержке у сотрудников состояния активности и творческого подхода к выполнению трудовых функций, что оказывает большое влияние на эффективный результат деятельности всей организации. Данный принцип не только дает возможность сотрудникам предпринимать самостоятельные активные действия, но и ориентирует руководителей на инициативный подход к поиску решения возникающих социальных проблем в сфере управления.

Принцип адресности отражается в требованиях к организации процессов управления. Он состоит в наличии в организации персональной ответственности за работу, целевой направленности управленческого процесса и грамотного распределения задач между ответственными исполнителями [2, с. 17].

Также стоит отметить необходимость принципа обратной связи. В практике социального управления этот принцип выполняет контролируемую функцию. Он дает возможность руководству организации проводить оценку, прогноз и регулирование состояния объекта социального управления, а также всех взаимосвязанных с ним элементов.

Так как природа управленческой деятельности социальна, стоит отметить и наличие моральных и этических принципов, таких как нормы порядочности, профессионального долга, социальной справедливости, уважения к людям, чести и достоинству, приоритета общественных интересов над личными.

Стоит также выделить необходимость наличия у организации таких принципов, как:

- принцип оптимального сочетания уровня централизации и децентрализации;
- принцип оптимального сочетания единоначалия и коллегиальности;
- принцип единства прав, обязанностей и ответственности руководителей.

Как отмечает Р.А. Рушков: «Принципы социального управления – это основополагающие требования, которые должен выполнять и вы-

полняет субъект как при принятии управленческих решений, так и в процессе их реализации. Принципы, обусловлены действиями основных правил создания и функционирования субъекта и объекта. Выступая главным звеном механизма социального управления, они интегрируют социальные законы и практики их применения» [3, с. 2].

В результате проведенного автором данной статьи исследования стоит отметить, что все рассмотренные принципы необходимо применять в организации системно и взаимосвязано.

Список литературы:

1. Иванова В.Н., Гладышев А.Г., , Иванов В.Н., Патрушев В.И. Основы социального управления: учеб. пособие / под ред. В.Н. Иванова. – М.: Высш. шк., 2011. – 271 с.
2. Минаева О.В. Принципы социального управления // Вестник МИЭП. – 2016. – № 2 (23). – С.15-24.
3. Рушков Р.А. Закономерности и принципы социального управления // РАНХиГС. – 2016. eLIBRARY ID: 26337433

РАЗДЕЛ 4.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

4.1. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНКУРСНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ И АВСТРАЛИИ

Родина Наталья Андреевна

*студент магистратуры,
Челябинский государственный университет,
РФ, г. Челябинск*

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF BANKRUPTCY PROCEEDINGS AGAINST INDIVIDUALS IN RUSSIA AND AUSTRALIA

Natalia Rodina

*Master's student,
Chelyabinsk State University,
Russia, Chelyabinsk*

Аннотация. Сопоставление национальной правовой системы с зарубежными создает условия для выявления позитивных и негативных вопросов ее функционирования, а также аутентичности. В статье автор анализирует некоторые отличительные особенности конкурсного производства в отношении физических лиц в России и Австралии.

Abstract. Comparison of the national legal system with foreign legal systems creates conditions for identifying positive and negative issues of its functioning, as well as authenticity. In the article the author analyzes some distinctive features of bankruptcy proceedings against individuals in Russia and Australia.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство физических лиц, банкрот, должник, Австралийский орган финансовой безопасности AFSA, долговое соглашение, реализация имущества, план реструктуризации.

Keywords: insolvency, personal bankruptcy, bankrupt, debtor, Australian Financial Security Authority AFSA, debt arrangement, estate realization, restructuring plan.

Процедуры несостоятельности (банкротства) юридических и физических лиц в Австралии регулируются Законом о банкротстве 1966 года (далее – Закон о банкротстве 1966 года) [4], в России – Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [6].

Согласно официальному подходу, отражённому в ст. 2 Закона о банкротстве, дефиниции понятий несостоятельность и банкротство равнозначны и определяются как признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [6].

В Австралии, согласно ст. 5 Закона о банкротстве 1966 года, банкротом признается гражданин, ставший таковым в результате подачи собственного заявления либо в отношении имущества которого было вынесено постановление о секвестре [4]. В юридической науке секвестр означает временную передачу спорного имущества третьему лицу по решению суда как обеспечение иска. Вместе с тем, по смыслу норм австралийского закона приказ о секвестре представляет собой судебный акт по заявлению кредитора, перед которым у гражданина образовалась задолженность. Таким образом, правом подачи заявления о банкротстве в отношении гражданина в Австралии обладают как сам должник, так и его кредиторы.

Гражданин Австралии вправе подать ходатайство о банкротстве, если он не может оплатить свои долги, когда они подлежат уплате, то есть является неплатежеспособным, и находится в Австралии или имеет жилое помещение, или деловые отношения, связанные с Австралией [6, с.208]. При этом в соответствии со ст. 5 Закона о банкротстве 1966 года лицо является платежеспособным тогда и только тогда, когда оно в состоянии оплатить все свои долги, когда они становятся подлежащими оплате [4]. Минимальной суммы долга для подачи ходатайства в

этом случае не установлено. Ходатайство рассматривается «официальным получателем», которым является Австралийское управление финансовой безопасности (AFSA).

Однако, как следует из положений ст. 5 и 44 Закона о банкротстве 1966 года, кредитор правомочен подать заявление о признании банкротом физическое лицо только при условии, что сумма долга составляет не менее установленного минимума – 5 000 австралийских долларов [4].

Так, в Австралии существует две формы банкротства физических лиц. Во-первых, внесудебная – в случае обращения должника с соответствующим ходатайством в AFSA. Во-вторых, судебное банкротство, когда заинтересованный кредитор желает удовлетворения своих требований по неисполненным обязательствам.

Иная практика сложилась в российском законодательстве.

В первую очередь стоит отметить, что с 2020 года введен внесудебный порядок признания гражданина несостоятельным (банкротом).

Внесудебное банкротство инициируется исключительно на основании заявления самого гражданина, путем обращения в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг. Процедура внесудебного банкротства является бесплатной.

Вместе с тем, существует некое сходство между российской и австралийской моделями внесудебного банкротства, проявляющееся в отсутствии установленных государственных пошлин за обращение с заявлением о банкротстве, а также в наличии организаций, рассматривающих такие заявления.

Как следует из содержания ст. 223.2 Закона о банкротстве, к должникам, желающим пройти процедуру банкротства в упрощенном порядке, предъявляются несколько иные требования, чем в судебном порядке [6]. Ввиду этого судебное банкротство остается более востребованным. Так, по данным Федресурса, за первый квартал 2024 года опубликовано 89 805 сообщений о признании гражданина несостоятельным (банкротом) и 12 654 сообщения о возбуждении процедуры внесудебного банкротства гражданина [3].

В отличие от австралийской модели судебное производство по делу о банкротстве физического лица возбуждается арбитражным судом по мотивированному заявлению должника, конкурсного кредитора или уполномоченного органа.

Заявление о признании гражданина банкротом принимается арбитражным судом при условии, что требования к гражданину составляют не менее чем 500 000 рублей и указанные требования не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть

исполнены. Кроме того, гражданин вправе обратиться в суд о признании его несостоятельным (банкротом), если он отвечает признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества.

Под неплатежеспособностью гражданина понимается его неспособность удовлетворить в полном объеме требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Недостаточность имущества предполагается, когда размер денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника превышает стоимость его имущества.

Также, отличием является тот факт, что в России обязательной уплате подлежит государственная пошлина, размер которой устанавливается налоговым законодательством. Однако после внесения поправок в 2024 году граждане, обращающиеся в арбитражный суд с заявлением о личном банкротстве от уплаты государственной пошлины освобождены. Вместе с тем, значительно увеличен размер пошлин при обращении кредитора с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом).

Следует отметить, что минимальная сумма задолженности для подачи заявления о признании должника банкротом в Австралии установлена в меньшем размере, чем в России. По состоянию курса на октябрь 2024 года она составляет около 321 550 рублей, в России – 500 000 рублей.

Согласно ст. 213.2 Закона о банкротстве, в деле о банкротстве гражданина применяются следующие процедуры: реструктуризация долгов гражданина, реализация имущества гражданина, мировое соглашение [6].

Процедура реструктуризации долгов гражданина вводится, когда суд предполагает возможность восстановления платежеспособности должника, утверждения плана реструктуризации, в соответствии с которым будет происходить погашение задолженности за счет дохода должника.

Реализация имущества гражданина представляет собой реабилитационную процедуру, применяемую в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов и освобождения гражданина от долгов за счет реализации его имущества. Однако, в случае введения данной процедуры, в отношении имущества, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством, действует исполнительский иммунитет. Иными словами, такое имущество не может быть реализовано в рамках процедуры банкротства.

По австралийскому закону реализации не подлежат личные вещи должника и предметы первой необходимости, домашнего обихода, инструменты, используемые для получения дохода путем личного труда, имущество, которое банкрот держит в доверительном управлении для другого лица, полисы страхования жизни или накопительного страхования в отношении жизни банкрота или супруга или фактического партнера банкрота и доходы от таких полисов, имущественные права банкрота на возмещение убытков или компенсации за личный вред или ущерб, причиненный банкроту, супругу или фактическому партнеру банкрота или члену семьи банкрота, в том числе, в связи со смертью данных лиц.

Интересными представляются нормы, регулирующие исключение из конкурсной массы транспортных средств в законодательстве рассматриваемых государств.

Так, в соответствии со ст. 446 ГПК РФ на территории Российской Федерации взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на необходимые гражданину-должнику средства транспорта в связи с его инвалидностью [2]. Вместе с тем, исключение такого имущества происходит по решению суда в рамках обособленного спора по делу о банкротстве и на основании документации, подтверждающей позицию заявителя.

Как следует из положений ст. 116 Закона о банкротстве 1966 года, в Австралии не реализуется транспортное средство, если его стоимость не превышает установленную нормативными актами сумму [4]. В то время, как российское законодательство закрепляет возможность сохранения права собственности банкрота на имущество только при условии, если оно не было реализовано на торгах и конкурсные кредиторы отказались от его принятия в счет погашения своих требований, а также в случае исключения автомобиля из конкурсной массы в судебном порядке.

Кроме того, следует отметить, что внутренняя политика государств так же влияет на развитие норм о несостоятельности (банкротстве) физических лиц.

Например, выплата австралийскому банкроту в соответствии с Законом о Национальной схеме возмещения ущерба от сексуального насилия над детьми в учреждениях 2018 года (независимо от того, стал ли он или она банкротом до или после этого и является ли он или она лицом, пострадавшим от сексуального насилия, к которому относится выплата) не подлежит разделу между кредиторами [4].

Российский законодатель в целом не предусматривает подобного рода мер социальной поддержки.

Вместе с тем, ввиду проведения Специальной военной операции, а также явной необходимости государственной поддержки с целью восстановления здоровья, поддержания и обеспечения жизнедеятельности военнослужащих в 2024 году в законодательство внесены поправки, запрещающие обращать взыскание на доходы военнослужащих в соответствии с п. 21 ст. 101 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [7].

Конструкция механизма банкротства гражданина предполагает, что процедура реструктуризации его долгов имеет приоритет как позволяющая в наибольшей степени соблюсти интересы кредиторов (путем погашения их требований), а также самого должника (совершение расчетов с кредиторами с сохранением хотя бы части своего имущества).

Австралийской вариацией плана реструктуризации можно считать заключение долгового соглашения, заключаемого между должником и кредиторами, по условиям которого в соответствии со ст. 185С Закона о банкротстве 1966 года должник будет осуществлять платежи в счет погашения доказанных долгов. Обязательным требованием для заключения такого соглашения является наличие у должника доли в недвижимом имуществе в Австралии, которое является жильем и основным местом его жительства. Предложение о заключении долгового соглашения не должно предусматривать передачу иного имущества кредитору, кроме денежных средств.

Требования к гражданину, с которым представляется возможным заключить долговое соглашение, включают: гражданин не признавался банкротом, в отношении него не заключалось долговое соглашение в течение десяти лет, предшествующих направлению предложения о заключении долгового соглашения; на момент подачи предложения необеспеченные долги должника составляют менее чем пороговая сумма, а стоимость его имущества не превышает пороговую сумму более чем в два раза (пороговая сумма рассчитывается в соответствии со ст. 185С Закона о банкротстве 1966 года и Законом о социальном обеспечении 1991 года) [4].

Срок заключения плана реструктуризации и долгового соглашения совпадает: от 3 до 5 лет.

Существенным сходством является назначение лица, контролирующего процесс банкротства физического лица.

В соответствии с российским законодательством в деле о банкротстве арбитражный суд утверждает финансового управляющего, который обязан принимать меры по выявлению имущества гражданина и обеспечению сохранности этого имущества, проводить анализ финансового состояния гражданина, направлять кредиторам отчет о

своей деятельности и исполнять иные, предусмотренные законодательством обязанности.

В Австралийском Союзе существует институт доверенного управляющего, назначение которого осуществляется из числа сотрудников Австралийского управления финансовой безопасности. Обязанности доверенного управляющего закреплены в ст. 19 Закона о банкротстве 1966 года [4] и по своей правовой сути схожи с обязанностями финансового управляющего.

Особенностью австралийского законодательства о банкротстве является наличие правовой нормы, закрепляющей возможность банкротства несовершеннолетних. Ребенок наделен правом самостоятельно обратиться с заявлением о личном банкротстве только при наличии задолженности, подлежащей принудительному взысканию. Применительно для несовершеннолетних принудительное взыскание возможно по сделкам купли-продажи предметов первой необходимости. В соответствии со ст. 7 Закона о товарах Австралии под предметами первой необходимости понимаются товары, соответствующие жизненным обстоятельствам несовершеннолетнего и его реальным потребностям на момент сделки. Соответственно, несовершеннолетний имеет право заключать сделки о приобретении предметов первой необходимости, что может привести к возникновению задолженности.

Таким образом, банкротство граждан является механизмом нахождения компромисса между должником, обязанным и стремящимся исполнять свои обязательства, но испытывающим в этом объективные затруднения, и его кредиторами.

Конкурсное производство в отношении физических лиц в российской правовой практике представляется самостоятельным правовым институтом, имеющим отличительные особенности от правоприменительной практики зарубежных стран, в частности Австралии. Вместе с тем, представляется необходимым изучение зарубежного опыта с целью усовершенствования национального законодательства.

Список литературы:

1. Австралийский орган финансовой безопасности Australian Financial Security Authority (AFSA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.afsa.gov.au/glossary/registered-trustee/ (дата обращения: 30.10.2024).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №46. – ст. 4532. – Текст : электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/?ysclid=m303wv8ssd981459455 (дата обращения: 30.10.2024).

3. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/?ref=xranks> (дата обращения: 30.10.2024).
4. Закон о банкротстве Австралии 1966 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.afsa.gov.au/glossary/bankruptcy-act-1966> (дата обращения: 30.10.2024).
5. Игнатенко А.Ю. Институт банкротства физического лица: мировой опыт и практика применения. Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей, Могилев, 14–15 мая 2020 года. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2020. – С. 363-368.
6. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 19.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №43. – ст. 4190. – Текст : электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/?ysclid=m2wh7fq7hu682559224 (дата обращения: 30.10.2024).
7. Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – №41. – ст. 4849. – Текст : электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/?ysclid=m3042gfc2j550444851 (дата обращения: 30.10.2024).
8. Прохоров П.И. О банкротстве физических лиц в зарубежной практике антикризисного управления на примере Австралии. Экономика и гуманитарные исследования: проблемы, тенденции, достижения : сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 16 марта – 17 2018 года. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2018. – С. 206-211.

4.2. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РФ

Козлова Алина Алексеевна

студент,

Негосударственное образовательное частное

учреждение высшего образования

«Московский финансово-промышленный

университет «Синергия»,

РФ, г. Москва

CIVIL LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY A SOURCE OF INCREASED DANGER IN ACCORDANCE WITH THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alina Kozlova

Student,

Non-governmental educational private

institution of higher education

"Moscow Financial and Industrial

University "Synergy",

Russia, Moscow

Аннотация. В данной статье раскрываются теоретические аспекты возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности. В частности, раскрывается понятие и основания гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности по российскому законодательству.

Abstract. This article reveals the theoretical aspects of compensation for damage caused by a source of increased danger. In particular, the con-

cept and grounds of civil liability for harm caused by a source of increased danger under Russian law are disclosed.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, вред, источник повышенной опасности, ущерб.

Keywords: civil liability, harm, source of increased danger, damage.

Обеспечение безопасности и здоровья является существенной обязанностью государства. Нормы Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) ярко отражают эту функцию, предусматривая меры компенсации в случае вреда, причиненного здоровью граждан. Закон укрепляет ответственность за ущерб, тем самым защищая личные нематериальные блага. Законодательные меры, направленные на защиту прав собственности человека, имеют ключевое значение. Законы не только признают эти права, но и предусматривают механизмы реагирования в случае их нарушений, что подчеркивает их значимость в правовой системе.

В рамках настоящего исследования тема, связанная с ответственностью за вред от источников повышенной опасности, определяется статьей 1079 ГК РФ. Это ключ к пониманию границ применения специальных правил об ответственности за вред и к ситуациям, когда такой вред квалифицируется как частный вид нарушения [1].

Проблема определения источника повышенной опасности и деятельности, которая представляет угрозу окружающим, остается актуальной и дискуссионной в юридической науке. Определение этих понятий выходит за рамки чистой терминологии и затрагивает глубже лежащие правовые принципы. Разрешение этих вопросов влияет на дальнейшее применение статьи 1079 ГК РФ, выделяя те обстоятельства, при которых следует рассматривать вред, возникший от опасных видов деятельности, как отдельную категорию проступка [2].

Определение оснований и условий гражданско-правовой ответственности продолжает быть предметом дискуссий среди ученых, что подчеркивает сложную и многогранную природу этого аспекта гражданского законодательства.

Цель исследования – провести анализ гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности в соответствии с законодательством РФ.

Так как общепризнанного понимания источника повышенной опасности в рамках гражданского права до сих пор не существует, целесообразным становится изучение мнения, которое сложилось у современного законодателя по данному вопросу [4, с. 253].

Так, в частности, в ныне действующем законодательстве норма об источнике повышенной опасности нашла свое отражение в статье 1079 Гражданского кодекса РФ «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих», в которой закреплено следующее: «Юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего» [1].

Изложенное положение в рамках данной статьи определяет, что законодатель, формулируя основания ответственности за ущерб, возникший вследствие опасных действий, фактически отдает предпочтение той концепции источника повышенной опасности, которая закреплена в «теории деятельности». Такой подход предполагает, что проблема теоретического определения данного источника в гражданском праве находит свое решение и уточнение именно через законодательное регулирование [4, с. 254].

Подтверждением этого служит и практика высших судебных инстанций Российской Федерации. Конкретно в Примере 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 года № 1, где говорится о применении гражданского законодательства в случаях вреда жизни или здоровью человека, источник повышенной опасности определяется как любые действия, которые увеличивают вероятность наступления вреда из-за неполного контроля над ними [2]. А также это относится к деятельности, связанной с использованием, транспортировкой, хранением предметов и веществ, несущих в себе потенциал повышенной опасности.

В изучении ответственности за вред от действия источников повышенной опасности ключевую роль играет определение ее оснований и условий, а также уточнение понятий субъектов и объектов деликтных отношений. Разграничение оснований для наступления юридической ответственности представляет собой один из наиболее дискуссионных аспектов в теории гражданского права.

Принято считать, что гражданско-правовая ответственность за вред, вызванный источником повышенной опасности, наступает в случаях, подтвержденных фактом причинения ущерба. Такое понимание возникает на принципах деликтного права, где вред играет роль осно-

вания для возмещения. Специфика таких деликтных ситуаций состоит в том, что ущерб возникает в результате деятельности, подразумевающей повышенный риск для других.

Авторы Соломины представляют мнение, что факт возникновения ущерба обосновывает ответственность за вред от опасного источника. С другой стороны, существует подход, в основе которого ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности рассматривается, как признак состава правонарушения. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, например, считают ущерб одним из элементов, обуславливающих ответственность, или элементом состава правонарушения, в то время как Витрянский также утверждает, что нарушение личных гражданских прав становится причиной для возникновения ответственности [3, с. 161].

Разнообразие теоретических подходов подчеркивает необходимость дальнейшего исследования в области квалификации и систематизации условий, приводящих к ответственности за деликты, связанные с источниками повышенной опасности, и определения их правовых последствий.

Основываясь на анализе нормативных документов и юридической доктрины, можно сформировать позицию относительно оснований для возложения ответственности за ущерб, вызванный деятельностью, связанной с использованием источника повышенной опасности. Эти основания сводятся к двум ключевым моментам:

1. Присутствует объект, который по своей природе или условиям эксплуатации несет потенциальный риск для людей, имущества или окружающей среды, и который квалифицируется как источник повышенной опасности.

2. Между активностью этого объекта и ущербом существует четкая причинно-следственная связь, то есть можно установить, что вред возник именно вследствие действий или проявлений вредоносных свойств указанного источника.

Таким образом, определение ответственности не требует доказательства вины в ущербе лица, использующего источник повышенной опасности. Главное – установить, что источник является причиной повлекшего вреда. Это обусловлено презумпцией вины, предусмотренной законодательством для случаев с источниками повышенной опасности, что значительно меняет подход к правовой оценке подобных ситуаций.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 08.11.2024).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/ (дата обращения: 08.11.2024).
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 2018. – 796 с.
4. Обьедкова Е.П. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, в соответствии с российским законодательством. – 2022. – № 24 (419). – С.253-256.

4.3. ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ

Ахметбеков Асхат Кайратович

докторант

*Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
Казахстан, г. Косшы*

PROBLEMS OF IMPROVING THE NORMS OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN, PROVIDING FOR LIABILITY FOR VIOLATIONS OF THE RULES OF SUBSOIL USE

Askhat Akhmetbekov

Doctoral student,

*The Academy of Law Enforcement Agencies
under the Prosecutor General's Office
of the Republic of Kazakhstan,
Kazakhstan, Kosshy*

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы совершенствования норм Уголовного кодекса Республики Казахстан, касающихся ответственности за нарушения правил недропользования. Основная цель исследования заключается в анализе действующих законодательных норм, выявлении их недостатков и предложении рекомендаций по улучшению уголовно-правового регулирования в данной области, что позволяет минимизировать ущерб, наносимый экологии и экономике.

Abstract. This article discusses the problems of improving the norms of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan concerning liability for violations of the rules of subsoil use. The main purpose of the study is to

analyze the current legislative norms, identify their shortcomings and propose recommendations for improving criminal law regulation in this area, which minimizes the damage caused to the environment and the economy.

Ключевые слова: Уголовный кодекс, недропользование, ответственность, нарушения, правоприменение, экология, Казахстан.

Keywords: Criminal Code, subsoil use, liability, violations, law enforcement, ecology, Kazakhstan.

Введение

Недропользование является важным компонентом экономики Республики Казахстан, обладая значительным потенциалом для развития и привлечения инвестиций. Тем не менее, недостаточное внимание к правилам и нормам, регулирующим эту сферу, приводит к серьезным последствиям для окружающей среды и здоровья населения. Учитывая актуальность проблемы, необходимо рассмотреть существующие нормы Уголовного кодекса, касающиеся ответственности за нарушения правил недропользования, выявить их недостатки и предложить пути их совершенствования.

1. Значение и актуальность проблемы

В условиях ускоренного развития экономики и роста добывающего сектора охрана окружающей среды и соблюдение правил недропользования становятся особенно актуальными. Нарушения правил могут привести не только к экологическим катастрофам, но и к экономическим потерям, связанным с ухудшением состояния природных ресурсов [1, с. 22]. В связи с этим важно не только выявить существующие недостатки в уголовном законодательстве, но и предложить решения для их устранения.

2. Проблемы уголовно-правового регулирования

2.1. Недостаточная конкретизация норм

Одной из основных проблем является отсутствие четкой конкретизации норм Уголовного кодекса, касающихся ответственности за нарушения правил недропользования. В настоящее время многие нормы сформулированы в общем виде, что затрудняет их применение на практике и создает правовую неопределенность. Например, определения таких понятий, как "значительный ущерб" или "неправомерное использование недр", часто остаются неопределенными, что приводит к различиям в судебной практике [2, с. 57].

2.2. Отсутствие системного подхода

Современное уголовное законодательство не всегда отражает комплексный подход к регулированию недропользования. Различные виды нарушений, связанные с недропользованием, рассматриваются изолированно, без учета их взаимосвязи и влияния на экологическую и социальную сферы. Это приводит к правовым пробелам, когда определенные виды нарушений остаются без надлежащей уголовной ответственности [3, с. 45].

2.3. Слабая правоохранительная практика

Недостаточная эффективность правоохранительных органов также представляет собой серьезную проблему. Часто случаи нарушений правил недропользования остаются без должного реагирования, что снижает общий уровень соблюдения законодательства. Проблема усугубляется недостаточной квалификацией работников правоохранительных органов, что требует дополнительных усилий для повышения их компетенции в сфере экологии и недропользования [4, с. 78].

3. Зарубежный опыт и его значение

Для совершенствования норм Уголовного кодекса важно изучить международный опыт в регулировании ответственности за нарушения правил недропользования. Например, в ряде стран, таких как Канада и Австралия, действуют строгие уголовные нормы, направленные на защиту окружающей среды и природных ресурсов. В этих странах предусмотрены высокие штрафы и уголовные наказания для нарушителей, что способствует улучшению соблюдения законодательства [5, с. 102].

Казахстан может извлечь уроки из международной практики, адаптируя ее к своим условиям. Это может включать разработку более четких определений нарушений, улучшение механизмов контроля и повышения ответственности предприятий за соблюдение экологических норм.

4. Рекомендации по совершенствованию законодательства

Для решения указанных проблем необходимо:

1. Уточнить формулировки норм в Уголовном кодексе, касающихся ответственности за нарушения правил недропользования. Это позволит уменьшить правовую неопределенность и улучшить правоприменение.

2. Разработать комплексный подход к регулированию недропользования, который будет учитывать взаимосвязь различных правонарушений. Например, можно создать единый закон, который охватывает все аспекты недропользования, включая уголовные, административные и экологические нормы.

3. **Усилить меры по мониторингу и контролю** за соблюдением законодательства о недропользовании. Это может включать внедрение новых технологий для отслеживания нарушений и создание более эффективных механизмов взаимодействия между государственными органами.

4. **Повысить квалификацию работников правоохранительных органов** и органов, осуществляющих контроль за соблюдением законодательства в области недропользования. Это позволит улучшить качество расследований и повысить уровень правоприменительной практики.

Заключение

Совершенствование норм Уголовного кодекса Республики Казахстан, регулирующих ответственность за нарушения правил недропользования, является важной задачей для обеспечения устойчивого развития страны. Эффективное уголовно-правовое регулирование в этой сфере поможет защитить экологические интересы, повысить ответственность недропользователей и обеспечить справедливость в правоприменении. Внедрение предложенных рекомендаций способно существенно улучшить ситуацию и создать основы для долгосрочного устойчивого развития в области недропользования.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан. – Астана, 2014. Официальное опубликование на сайте <https://adilet.zan.kz/> от 03 июля 2014 года.
2. Кодекс Республики Казахстан «О недрах и недропользовании» от 27 декабря 2017 года. – Алматы, 2017. Официальное опубликование на сайте <https://adilet.zan.kz/> от 27 декабря 2017 года.
3. Логинова Л.Г. Проблемы уголовной ответственности за нарушения в сфере недропользования // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам международной научно-практической конференции. – № 10(93). – М.: Изд. «МЦНО», 2024.
4. Кузнецова, Е.Н. Уголовно-правовые нормы в области защиты окружающей среды: проблемы и пути решения. – Алматы: Научная книга, 2021.
5. Бекетов, А.Р. Ответственность за экологические правонарушения: сравнительный анализ. – Алматы: Издательство, 2020.

4.4. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ПРИРОДА ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ

Кулиев Сиявуш Теймурович

аспирант,

Институт мировой экономики,

РФ, г. Дербент

Аннотация. В статье речь идет об использовании в уголовном судопроизводстве электронных документов. Рассматриваются проблемы правового регулирования механизма использования документов в электронном виде. Делается вывод о том, что правовое регулирование применения информационноцифровых технологий в уголовном процессе должно иметь системный характер, быть направленным на обеспечение как публичных, так и частных интересов, способствовать большей доступности к правосудию. Глобальная информатизация современного общества, повсеместное использование электронных средств коммуникации predetermined необходимость перехода судебно-следственных органов на качественно новый уровень. Одной из тенденций развития российского уголовного судопроизводства стало использование современных цифровых и информационных технологий в деятельности участников уголовного процесса, внедрение электронного документооборота.

Abstract. The article deals with the use of electronic documents in criminal proceedings. The problems of legal regulation of the mechanism of using documents in electronic form are considered. It is concluded that the legal regulation of the use of information digital technologies in criminal proceedings should be systematic, aimed at ensuring both public and private interests, and contribute to greater access to justice. The global informatization of modern society, the widespread use of electronic means of communication have predetermined the need for the transition of judicial and investigative bodies to a qualitatively new level. One of the trends in the development of Russian criminal proceedings has been the use of modern

digital and information technologies in the activities of participants in criminal proceedings, the introduction of electronic document management.

Ключевые слова: электронный документ, электронная копия документа, доступ к правосудию, соотношение частных и публичных интересов, злоупотребление правомочиями, глобальная информатизация.

Keywords: electronic document, electronic copy of the document, access to justice.

В технической литературе под «электронными средствами связи» понимается техника передачи информации из одного места в другое в виде электрических сигналов, посылаемых по проводам, кабелю, оптоволоконным линиям или вообще без направляющих линий. Электронные средства включают в себя электронный обмен данными, электронную почту, телеграф, телекс, телефакс и другие электронные средства, предназначенные для подготовки, отправки, получения и хранения сообщений данных. В Федеральном законе от 07.07.2003 №126-ФЗ «О связи» не содержится определение термина «электронные средства связи», но присутствуют определения двух взаимозависимых терминов «средства связи» и «электросвязь»: – средства связи – технические и программные средства, используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи или почтовых отправлений, а также иные технические и программные средства, используемые при оказании услуг связи или обеспечении функционирования сетей связи, включая технические системы и устройства с измерительными функциями; – электросвязь – любые излучения, передача или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам. [№126-ФЗ07.07.2003] Проведенное исследование российских нормативных правовых актов позволяет прийти к выводу об отсутствии единого законодательного определения терминов «электронные средства», «электронные средства связи» или «средства электронной связи». Электронные средства, используемые в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса, – это совокупность уголовно-процессуальных и аппаратно-программных инструментов направленных на собирание, проверку и оценку доказательств, выраженных в электронном виде, а также обеспечивающих производство следственных действий. В целях дальнейшего развития информационного законодательства, представляется возможным за-

крепить указанное определение в соответствующих нормативных правовых актах. Полагаем, что основными видами электронных средств, используемых в доказывании по уголовным делам, будут: электронная информация, электронные носители информации; дистанционные формы коммуникации и способы обращения (подача заявлений, жалоб, ходатайств) посредством электронной связи; сайты, облачные пространства сети «Интернет», программное обеспечение персональных компьютеров, которые определяют способы собирания, проверки и оценки доказательств в ходе расследования преступлений. Одним из элементов средств уголовно-процессуального доказывания являются следственные действия, направленные на получения электронной информации, а также формы производства следственных действий с использованием технических средств, специально определенных в УПК РФ. [15, с. 93].

Для установления обстоятельств совершенного преступления огромное значение имеют доказательства, а именно их информационная составляющая Электронные доказательства все чаще используются при расследовании уголовного дела. На сегодняшний день все большее количество следов преступления отображается в информационно-технологической инфраструктуре. Это связано с тем, что все большее количество преступных деяний совершается удаленным, бесконтактным способом с использованием компьютерных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. При этом, необходимо заметить, что электронное доказательство – это любая хранящаяся в электронном виде информация, которая может быть использована в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве. К такому виду доказательств относятся любые документы, электронные письма или другие электронно- хранящиеся файлы, а также электронные свидетельства, включающие хранящиеся сетевыми или интернет-провайдерами записи. Цифровая информация на электронном источнике, безусловно, обладает массой преимуществ перед традиционными бумажными документами. Так, например, она характеризуется большей степенью наглядности, скоростью передачи и фиксации, технологией быстрого поиска, а также возможностью автоматического исследования большой совокупности данных. Кроме того, некоторыми авторами отмечается обусловленная такого рода информацией возможность установления почти всех подлежащие доказыванию по уголовному делу обстоятельств.

Электронная информация находит свое закрепление на материальном носителе, т. к. в ином случае она не признавалась бы в качестве доказательства. Однако необходимо учитывать, что их доказатель-

ственное значение, в отличие от вещественных доказательств, проявляется в содержащейся в них информации, а не в физических свойствах материального носителя сведений в электронной форме, его составе и внешнем виде.

Природа электронных доказательств неразрывно связана с природой виртуальных следов. Как виртуальный след не является ни материальным, ни идеальным, так и электронное доказательство не является письменным либо вещественным доказательством, а представляет собой полноценный самостоятельный вид, процессуальное закрепление которого необходимо для создания и разработки практических методик фиксации, изъятия, изучения, исследования, оценки и расследования их фальсификации. Однако процессуальное закрепление нового вида доказательств, требует не только одновременного наличия и действия двух условий: «1) механизма формирования информации в том или ином источнике (именно проверка механизма дает представление об адекватности информации, отраженной доказательством); 2) способа превращения этой информации с помощью процессуальных действий удостоверительного характера в доказательство», как отмечает А.В. Кудрявцева, но и разработки принципиально новой концепции электронного общества. Мнения ученых относительно выделения электронных доказательств как самостоятельного вида принципиально разделились на два лагеря:

1) электронные доказательства охватываются традиционными видами доказательств и не нуждаются в самостоятельной процессуальной регламентации; 2) электронные доказательства – новый феномен, для которого необходимо не только законодательное закрепление, но и разработка и подготовка принципиально новой методологии.

Осознавая важность существенных признаков для установления ограничительного содержания и объема понятия доказательства как базового элемента процесса доказывания, можно полагать, что понятие доказательств должно быть закреплено в законе с учетом изменяющихся условий развития общества. Если цифровая трансформация изменила все базовые устои общества, то право должно соответствовать изменяющимся условиям.

Произошедшая цифровая трансформация общества, рост киберпреступлений, а поэтому увеличение доказательственного значения цифровых следов преступлений, повсеместное использование электронных доказательств в практике деятельности правоохранительных органов наталкиваются на проблему отсутствия понятия «электронных доказательств» в уголовно-процессуальном законе.

В информационном обществе гигантский объем электронной информации в современной инфраструктуре создает трудности при работе с информацией для любого человека, но в то же время открывает огромные возможности для органов расследования. В этой связи возникает закономерный вопрос, как добиваться максимального результата при минимуме затрат сил, средств и времени. В этом и заключается концептуальная идея эффективности в соотношении использованных ресурсов и полученных результатов.

Проведенное исследование российских нормативных правовых актов позволяет прийти к выводу об отсутствии единого законодательного определения терминов «электронные средства», «электронные средства связи» или «средства электронной связи». Электронные средства, используемые в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса, – это совокупность уголовно-процессуальных и аппаратно-программных инструментов направленных на собирание, проверку и оценку доказательств, выраженных в электронном виде, а также обеспечивающих производство следственных действий. В целях дальнейшего развития информационного законодательства, представляется возможным закрепить указанное определение в соответствующих нормативных правовых актах. Полагаем, что основными видами электронных средств, используемых в доказывании по уголовным делам, будут: электронная информация, электронные носители информации; дистанционные формы коммуникации и способы обращения (подача заявлений, жалоб, ходатайств) посредством электронной связи; сайты, облачные пространства сети «Интернет», программное обеспечение персональных компьютеров, которые предопределяют способы собирания, проверки и оценки доказательств в ходе расследования преступлений. Одним из элементов средств уголовно-процессуального доказывания являются следственные действия, направленные на получение электронной информации, а также формы производства следственных действий с использованием технических средств, специально определенных в УПК РФ. [11, с. 12]. В качестве примера допустимо привести ст. 164.1 УПК РФ «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий» и положения ст. 189.1 УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования системы видео-конференц-связи». [ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ]

Электронная информация имеет уголовно-процессуальное законодательное закрепление, и ее по праву можно считать основным элементом электронных средств уголовно-процессуального доказывания. Данный феномен требует более тщательного изучения. В научной

юридической литературе можно обнаружить различные точки зрения относительно понятия: «машинная информация». Продолжительное время понятие «машинная информация» характеризовалось учеными через категорию электронно-вычислительной машины. Еще в начале 90-х гг. И.З. Карась предложил под машинной информацией понимать информацию, циркулирующую в вычислительной среде, зафиксированную на физическом носителе в форме, доступной восприятию ЭВМ, или передающуюся по телекоммуникационным каналам. К последней он относил сформированную в вычислительной среде информацию, пересылаемую из одной ЭВМ в другую, из ЭВМ на устройство отображения или из ЭВМ на управляющий датчик оборудования. [Карась И.З., 1990;40]

Большинство существующих в настоящий момент электронных устройств являются цифровыми, однако аналоговые электронные устройства продолжают использоваться в повседневной жизни. Примером аналоговых электронных устройств могут служить различные телефоны, работа которых основана на аналоговых линиях связи, когда электромагнитный сигнал не проходит «оцифровку» при передаче по линиям связи между абонентами. Аналоговые линии телефонной связи обширно используются на территории России. В качестве дополнительных примеров аналоговой электроники можно привести: радиосвязь, в том числе и обычное радио, аналоговое телевидение

Разграничивая аналоговую информацию от дискретной, необходимо проанализировать процесс передачи информации с точки зрения информатики. Информация, то есть смысл, который должен понять получатель с помощью сообщений (символов, образов, звуков), передается посредством сигнала. Понятие сигнала происходит от латинского *signum* – знак. Сигнал – это физический процесс или явление, несущее сообщение о каком-либо событии. По своей природе и типу передающей среды сигналы делятся на механические, тепловые, световые, электрические, электромагнитные, звуковые. Сигналы по своей структуре могут быть дискретными или аналоговыми (непрерывными). Аналоговый сигнал представляет собой величину, непрерывно изменяющуюся во времени, амплитуду, частоту, фазу. В качестве примера можно привести человеческую речь (механическую волну), изображение на фотографии (отраженная от поверхности электромагнитная волна). Дискретными являются те, которые состоят из отдельных различимых символов – букв или цифр. Существует особый тип дискретной информации, который не может быть непосредственно воспринят человеком и закреплён в протоколе. Речь идет об отдельной разновидности дискретного сигнала – цифровой, выраженным в коди-

ровке двоичных чисел (0 и 1). Последовательностью нуля и единицы можно выразить текст, изображение, звук. Чтобы человек мог воспринимать значение цифровой информации, её необходимо преобразовать в понятную для человека аналоговую форму (аналоговый сигнал). Для этого цифровой код при помощи программноаппаратных средств (цифро-аналоговый преобразователь) преобразуется в аналоговый сигнал (механическая волна, исходящая от колонок, свет, исходящий от экрана компьютера и т. д.). Процесс может идти и в обратном направлении, когда аналоговая информация попадает в устройство, к примеру, видимый свет (электромагнитная волна) попадает в камеру видеонаблюдения, после чего преобразуется в виде кода («1» и «0»), а затем сохраняется на физическом уровне, например, на оптический диск. По мнению ученых: «Цифровая информация не существует в природе, это изобретение человеческого разума. Между тем большая часть первичной информации в окружающем мире представлена в форме аналоговых сигналов, да и сам человек, будучи творением природы, может непосредственно воспринимать только аналоговые сигналы». Однако, как указано выше, существуют электронные устройства, которые не преобразуют аналоговый сигнал в цифровой. При этом действие как аналоговых, так и цифровых электронных устройств основано на электромагнитных физических свойствах.

Таким образом, внедрение электронного документооборота как необходимого условия для процессуальной и материальной экономии как итоговое значение легализации понятия электронного доказательства, использование понятий электронных данных и электронных доказательств в правовых системах разных государств мира показывает, что бумажные (документарные) материалы уголовного дела стали за последние два десятилетия анахронизмом и атавизмом. Полагаем, что ключевое значение для внедрения электронного документооборота имеет именно использование понятий электронных данных и электронных доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве.

Список литературы:

1. Зайцев О.А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу. сравнительно-правовой анализ законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 42–57.
2. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.

3. Основы теории электронных доказательств / Балашов А.Н., Балашова И.Н., Бахтеев Д.В. и др.; под редакцией доктора юридических наук С.В. Зуева. Москва: Юрлитинформ, 2019. 398 с.
4. Пастухов П.С., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 2. С. 231–236.
5. Судебные и нормативные акты [Интернет ресурс] // <https://sudact.ru/regular/doc/WyavwZ7DR958/> (дата обращения 21.04.2021).
6. Карась И.З. Экономический и правовой режим информационных ресурсов // Право и информатика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990 С. 40.
7. Батулин Ю.М. Проблемы компьютерного права. М.: Юрид. лит., 1991. С. 67.
8. А.В. Кудрявцева. Теория доказывания в юридическом процессе. Учебное пособие.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА САМОВЫДВИЖЕНИЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Черепкова Владислава Сергеевна

студент направления – юриспруденция,
Сибирский Государственный
Университет Путей Сообщения,
РФ, г. Новосибирск

Шатилов Сергей Петрович

научный руководитель, канд. юрид. наук, доц.,
Сибирский Государственный
Университет Путей Сообщения,
РФ, г. Новосибирск

THE PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE INSTITUTION OF SELF-NOMINATION ON THE ELECTORAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vladislava Cherepkova

Student of the direction – law,
Siberian State University
of Railway Engineering,
Russia, Novosibirsk

Sergey Shatilov

Scientific supervisor, candidate
of Law, Associate Professor,
Siberian State University
of Railway Engineering,
Russia, Novosibirsk

Аннотация. В данной статье раскрываются вопросы изучения института самовыдвижения в избирательной практике РФ. Описываются механизмы и способы реализации пассивного избирательного права.

Abstract. This article reveals the issues of studying the institute of self-nomination in the electoral practice of the Russian Federation. The

mechanisms and methods of implementing passive electoral rights are described.

Ключевые слова: самовыдвижение, реализация, государственная власть, избирательное право, политические интересы.

Keywords: self-nomination, implementation, state power, electoral rights, political interests.

Правильная организация избирательной системы в целом и реализация гражданами своего избирательного права в частности всегда занимали важнейшее место в процессе становления демократического правового государства. В современных политических и социальных реалиях вопрос совершенствования избирательной системы привлекает все большее внимание, прежде всего потому, что необходимо обеспечить назначение народом на все уровни власти «ответственных людей, экспертов, способных думать о развитии государства и нации и добиваться результатов», возникает понимание необходимости формирования такого механизма. Этот механизм предполагает развитие политической конкуренции, совершенствование политических институтов, создание условий для их открытости и эффективности. Реализация этих и подобных задач должна основываться на четком понимании того, что присущие институты демократии, выборов и избирательного права граждан являются одними из исконных фундаментальных ценностей российского конституционного правопорядка. Реализация пассивного избирательного права – важнейший элемент развития демократического государства. Система самовыдвижения кандидатов на выборах на государственные должности сегодня является одной из гарантий соблюдения конституционных ценностей демократии. Законодательное закрепление права избирать в органы государственной власти и местного самоуправления, а также права быть избранным свидетельствует о том, что Российская Федерация находится на пути демократического развития и готова передать власть самовыдвиженцам и предоставить им возможность управлять страной. Система самовыдвижения – относительно молодое явление в избирательной практике Российской Федерации. Впервые возможность самовыдвижения появилась в Федеральном законе от 12 июня 2002 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». С этого момента начинается история развития системы самовыдвижения в России[5].

Тот факт, что система самовыдвижения активно применяется в избирательной практике Российской Федерации всего несколько деся-

тилетий, создает ряд особенностей, которые существенно влияют на степень реализации данного вида избирательного права и масштаб частоты его применения. Для российских граждан система самовыдвижения и сегодня малоизвестна как способ реализации пассивного избирательного права, закрепленного в Конституции Российской Федерации. Как видно из приведенных ниже данных, в Единый день голосования 2020 года на выборах было зарегистрировано пять кандидатов-самовыдвиженцев, в 2019 году – шесть (из 48 выдвинутых кандидатов). Столь малое количество зарегистрированных на выборах в органы государственной власти кандидатов-самовыдвиженцев свидетельствует о том, что пассивное избирательное право еще не реализовано. Рассмотренный механизм может свидетельствовать об определенных сложностях в его реализации. Конституция Российской Федерации признает свободные выборы одной из высших форм непосредственного осуществления народом своей власти (статья 3, часть 3) и закрепляет право граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти (статья 32, часть 2). Основным закон Российской Федерации устанавливает, что все граждане имеют право на равное участие в управлении государством и местным самоуправлением двумя способами: путем прямого волеизъявления на выборах (позитивное избирательное право) и путем реализации возможности быть выдвинутыми на государственные должности на выборах и быть избранными по результатам референдумов (негативное избирательное право). Это основано на том, что. Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации устанавливает возможность применения и реализации пассивного избирательного права граждан при выборах в органы государственной власти, она также содержит ряд пробелов, связанных с данной сферой правового регулирования. Конституция Российской Федерации прямо не предусматривает конкретного порядка выдвижения кандидатов на выборные государственные должности, а также обязательного использования определенного вида избирательной системы на выборах в какие-либо государственные органы. Решение данного вопроса, а также введение и распространение системы самовыдвижения относится к достаточно широким полномочиям законодателя. Законодатель обязан установить порядок и условия реализации гражданами права быть избранными или быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления. В компетенцию законодателя также входит определение типа избирательной системы и применение соответствующих принципов к порядку формирования государственных органов, избрание которых прямо не предусмотрено самой Конституцией Российской Федерации[4].

При рассмотрении и разрешении указанных вопросов законодателю следует обратить внимание на то, что конституционные ценности, связанные с реализацией избирательного права, могут противоречить друг другу. Последнее объясняется тем, что субъективные интересы отдельных граждан, являющихся носителями пассивного избирательного права, не всегда совпадают, прежде всего, с публичным интересом, который должен быть направлен на формирование эффективной и ответственной публичной власти. Таким образом, в системе самовыдвижения как способа реализации негативного избирательного права возникает своеобразный парадокс. С одной стороны, система самовыдвижения предоставляет широчайшие возможности для непосредственного участия граждан в выборах в качестве кандидатов на должности в государственных органах, что соответствует ценностям правовой демократии. С другой стороны, неограниченное использование этого инструмента может поставить под сомнение достижение конституционной ценности свободных выборов[1, с. 15].

Нельзя также игнорировать тот факт, что сегодня практика избирательных кампаний не дает достаточно выразительных доказательств преимуществ и эффектов внедрения самовыдвижения на выборах. Основатель теории партий и сторонник критической оценки деятельности политических партий М. Деваж утверждает, что «слишком наивно противопоставлять независимых кандидатов партийным» в рамках сравнения политических партий с другими способами выдвижения кандидатов. Это связано с тем, что «кроме нескольких визионеров, не имеющих шансов на успех, никто и никогда в одиночку не предлагает себя вниманию избирателей». По мнению М. Девурга, за любым кандидатом стоит организация. Есть абсолютно точно организация, которая их полностью поддерживает. Поэтому не отсутствие партийной монополии гарантирует свободу кандидатов, а тот факт, что в предвыборной борьбе могут участвовать не только партии, но и другие организации[2, с. 49]. Следует также обратить внимание на то, что Конституция РФ не дает четких указаний о механизме самовыдвижения на выборах в органы государственной власти на уровне субъектов федерации. В настоящее время самовыдвижение является обязательным только на выборах, проводимых на основе полной или частичной мажоритарной избирательной системы. В отношении выборов главы субъекта Российской Федерации сделаны оговорки о применении самовыдвижения только в случае, если это предусмотрено законодательством соответствующего субъекта Российской Федерации (пункт 3 части 3 статьи 18 ЗК РФ).3, часть 3 статьи 18 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и

распорядительных органов государственной власти (ст. 32, п. 2 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Пути решения данной проблемы включают:

1. Реформирование избирательного законодательства: упрощение требований к выдвижению, снижение порога для сбора подписей и уменьшение финансовых барьеров могут способствовать большему разнообразию и конкуренции на выборах.

2. Усиление контроля и наблюдения за выборами: обеспечение независимого наблюдения, включая международные и неправительственные организации, может увеличить доверие к честности и прозрачности выборов.

3. Равный доступ к медиа: законодательное обеспечение равного доступа всех кандидатов и партий к государственным и частным медиаресурсам может улучшить информированность избирателей и справедливость избирательного процесса.

4. Усиление законодательства против использования административного ресурса: чёткие и строго применяемые законы против злоупотребления государственными ресурсами во время избирательных кампаний могут способствовать равным условиям для всех участников[3, с. 5].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что институт самовыдвижения с момента своего появления в избирательной практике РФ продолжает занимать устойчивые позиции как способ реализации пассивного избирательного права. К кандидатам-самовыдвиженцам предъявляются ряд достаточно высоких требований, а сама процедура самовыдвижения сложна и многоэтапна. Такая сложность процедуры позволяет уже на этапе выдвижения кандидатов отсеять тех из них, чей интерес сосредоточен исключительно на удовлетворении индивидуальных потребностей. На сегодняшний день институт самовыдвижения является одним из действующих способов создания политической конкуренции на выборах, способствуя тем самым формированию представительных органов власти, которые адекватно отражают актуальные социально-политические интересы и предпочтения общества.

Список литературы:

1. Абрадова Е.С. Партии и выборы в современной России // Власть. 2021. № 2. С. 21-25.
2. Беляева Е.Н. Актуальные проблемы современной избирательной системы / Е.Н. Беляева // 2019. – № 2 (240). – С. 102-103.

3. Ижевский Д.О. Проблемы инициирования и проведения местных референдумов в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.01.2020). – Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2024).
5. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс.

4.5. КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ТЕХНОЛОГИЯ 3D-СКАНИРОВАНИЯ МЕСТНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ

Каримов Гайрат Нозимович

*главный эксперт отделения №10
межрайонного экспертно-криминалистического
отдела №1 экспертно-криминалистического
центра Главного управления Министерства
внутренних дел России по Иркутской области,
РФ, г. Иркутск*

Усачев Сергей Игоревич

*канд. юрид. наук, старший преподаватель
кафедры криминалистики,
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних
дел Российской Федерации»,
РФ, г. Иркутск*

3D TERRAIN SCANNING TECHNOLOGY: PROBLEMS AND TRENDS IN USE BY LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Gairat Karimov

*Chief expert
of Department No. 10 of the interdistrict
forensic department No. 1 of the forensic
center of the Main Directorate of the Ministry
of Internal Affairs of Russia for the Irkutsk Region,
Russia, Irkutsk*

Sergey Usachev

*Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer
at the Department of Criminalistics of the
East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Russia, Irkutsk*

Аннотация. Настоящая статья посвящена применению технологии 3D-сканирования в деятельности правоохранительных органов РФ, проблемам, с которыми эксперты-криминалисты сталкиваются при применении и тенденциям применения данной технологии в современной судебной фотографии.

Abstract. This article is devoted to the use of 3D scanning technology in the activities of law enforcement agencies of the Russian Federation, the problems that forensic experts encounter when applying and trends in the use of this technology in modern forensic photography.

Ключевые слова: лазерное сканирование, LiDAR, 3D-сканирование.

Keywords: laser scanning, LiDAR, 3D scanning.

Одной из основных задач первоначального этапа расследования является сбор криминалистически значимой информации. Осмотр места происшествия является трудоемким процессом, от возможности автоматизации которого зависит эффективность расследования. В настоящее время технология 3D-сканирования поменяется полицейскими участками многих стран, особенно активно США, Великобритании, Израиле. 3D-сканирование является быстрым способом фиксации обстановки места происшествия, без потери важных деталей обстановки. В отличие от простого фотографирования, технология 3D-сканирования позволяет сократить время на осмотр места происшествия, так как составляет не более 15 минут. Существенным недостатком 3D-сканирования является дороговизна применяемого оборудования – от 20 до 70 тысяч долларов. Переносные устройства дешевле, но всё также не могут быть покрыты бюджетом многих подразделений органов внутренних дел РФ. В связи с чем технологии 3D-сканирования в настоящее время применяются в основном для расследования преступлений с большим количеством жертв или большой площадью поражения, когда очень важно зафиксировать большое количество деталей, что затруднительно с использованием методов судебной фотографии: авиакатастрофы, взрывы, крупные ДТП. Испол-

зование 3D-сканирования – технология будущего, которая вскоре повсеместно будет применяться правоохранительными органами. Как когда-то появились первые методы современной фотографии, а затем фотография плотно вошла в деятельность правоохранительных органов, сначала в аналоговом варианте, а затем произошел переход к цифровой фотографии, так и технология 3D-сканирования рано или поздно заменит цифровое фотографирование. Разработанные ранее методы судебной фотографии перестанут применяться, так как технология 3D-сканирования заменяет все эти методы. Нет необходимости в панорамной съемке, узловой и детальной съемке, сканер фиксирует обстановку с разных ракурсов, нет необходимости в совершении лишних действий по фотографированию при осмотре места происшествия. Технология 3-D сканирования воспроизводит изображение места происшествия в 3D-формате, позволяет следователю как бы вернуться на место происшествия и ещё раз рассмотреть все детали места, произвести необходимые измерения объектов, расстояний до объектов. Положительными моментами применения 3D-сканирования в деятельности правоохранительных органов являются:

1. Точность получаемого изображения и возможность проведения измерений.
2. Повышение производительности труда органов предварительного расследования.
3. Снижение вероятности пропустить что-то при осмотре места происшествия практически до 0.
4. Невозможность фальсификации – изображение сохраняется единым файлом.

Технологии 3D-сканирования имеют и существенные недостатки, что не позволяет полностью уйти от цифровой фотографии:

1. Невозможность сканирования при определенных погодных условиях и во время осадков.
2. Невозможно сканировать объекты, у которых отсутствует объем или при малом значении объема. Например, осколки фар на месте ДТП, следы жидкости и т.п.

В настоящее время технологии 3D-сканирования не стоят на месте и реализуются в различных форматах, например, израильская технология 3D-Hawk, состоящая из камеры высокой четкости (HD) и программного обеспечения, позволяющего за очень короткое время (от 5 до 15 минут) создать 3D-изображение сканируемого пространства. К сожалению, пока затраты на приобретение оборудования для 3D-сканирования местности не позволяют судить об их скорой окупаемости. Помимо непосредственно затрат на оборудование, понадобится

обновление серверов и устройств для хранения, так как полученные 3D-изображения занимают большие пространства памяти. Накопление таких больших объемов информации потребует увеличения пространства для их хранения. Следует также отметить, что для работы с 3D-изображениями требуется мощный компьютер. Кроме того, расходы будут включать и периодическое обновление программного обеспечения (лицензии). Пока можно говорить лишь об использовании технологии 3D-сканирования лишь подразделениями в регионах, где чаще происходят авиакатастрофы, взрывы, крупные ДТП с большим количеством участников. О повсеместном внедрении пока говорить рано.

Список литературы:

1. Маннова А.А., Рожкова В.Р. 3D-сканер: инновации в области криминалистики // Российская юстиция в XXI веке: реалии, проблемы, перспективы. – 2019. Вып. 3. – С. 929 – 934.
2. Думнов С.Н. К вопросу применения метода лазерного 3D-сканирования при осмотре места дорожно-транспортного происшествия // Электронный журнал E-Scio. – 2019. – № 6 (33).
3. Еремченко В.И. Принципы работы 3D-сканера и его использование для фиксации места происшествия // Общество и право. – 2021. – №1 (75).
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-raboty-3d-skanera-i-ego-ispolzovanie-dlyafiksatsii-mesta-proisshestiya> (дата обращения: 05.10.2024).

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ПРАКТИКИ ВСЕОБЩЕЙ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Ковалёв Сергей Викторович

*старший преподаватель,
ФГКОУ ВО Восточно-Сибирский
институт МВД России,
РФ, г. Иркутск*

ON THE ISSUE OF THE POSSIBILITY OF INTRODUCING THE PRACTICE OF UNIVERSAL FINGERPRINT REGISTRATION

Sergey Kovalev

*Senior Lecturer,
Federal State Educational Institution
of Higher Education, East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Russia, Irkutsk*

Аннотация. В рассматриваемой статье автором исследуются вопросы целесообразности и юридической возможности внедрения практики всеобщей дактилоскопической регистрации в Российской Федерации. В работе получили отражение вопросы правового регулирования дактилоскопической информации, а также исследованы потенциальные положительные и отрицательные эффекты указанного решения.

Abstract. In this article, the author examines the feasibility and legal possibility of introducing the practice of universal fingerprint registration in the Russian Federation. The work reflected the issues of legal regulation of fingerprint information, and also explored the potential positive and negative effects of this solution.

Ключевые слова: папиллярные узоры, дактилоскопия, регистрация, учеты, криминалистика, раскрытие преступлений, доказательства.

Keywords: papillary patterns, fingerprinting, registration, records, forensics, crime detection, evidence.

Одним из наиболее эффективных методов осуществления идентификации личности является дактилоскопия, под которой в данном

контексте понимается процесс сличения имеющихся у человека отпечатков пальцев с иными, имеющимися в базе данных.

Дактилоскопическая регистрация в Российской Федерации на законодательном уровне закрепляется в Федеральном законе № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» [4, с. 5].

Вместе с тем, буквальное толкование указанных в данном нормативно-правовом акте норм, дает основание заключить, что перечень лиц, которые должны подвергаться обязательной дактилоскопической регистрации достаточно незначителен. Таким образом, из под действия указанной процедуры фактически выпадает большая часть населения России.

Следует отметить, что большое распространение на сегодняшний день получает позиция, сторонники которой полагают необходимым сделать дактилоскопическую регистрацию общеобязательной на территории нашей страны.

Статистические данные МВД России показывают, что в 2022 году органами внутренних дел было принято 208 658 сообщений и заявлений по поводу безвестного исчезновения граждан. По итогам рассмотрения обращений в розыск было объявлено более 10 тыс. чел. В настоящее время, с учётом прошлых лет, в розыске числится более 40 тыс. человек [1, с. 153].

Одним из аргументов в пользу всеобщей дактилоскопической регистрации является тот факт, что это значительно упростит задачу установления личности неопознанных трупов – наличие в базе данных их отпечатков пальцев позволит фактически моментально их опознавать, не прибегая к помощи специализированных подразделений уголовного розыска.

Думается, что введение всеобщей дактилоскопической регистрации создаст предпосылки для более эффективного розыска преступников в том случае, если на местах совершения преступлений или на прилегающей территории будут обнаружены следы их пальцев рук.

Анализ вышесказанного позволяет заключить, что рассматриваемая нами мера позволит в существенной степени оптимизировать деятельность правоохранительных органов. При этом следует учитывать, что чем лучше работают правоохранительные органы, тем в большей степени обеспечивается защищенность населения в целом. Оптимальным возрастом для дактилоскопической регистрации является четырнадцать лет, первичную дактилоскопическую регистрацию можно осуществлять в момент получения гражданином паспорта, либо в мо-

мент прибытия иностранных граждан, лиц без гражданства на территорию Российской Федерации.

Впервые в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации 8 октября 2015 года состоялась Международная научно-практическая конференция «Совершенствование системы дактилоскопической регистрации». В ходе данного мероприятия свою точку зрения выразил профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России доктор юридических наук, кандидат медицинских наук, профессор Самищенко С.С. Выступавший отметил, что он относит себя к числу тех специалистов, которые мечтают о введении всеобщей дактилоскопической регистрации населения страны [2].

Также своё мнение выразил доктор юридических наук, профессор Вольнский А.Ф. профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России признался, что является убеждённым сторонником всеобщей дактилоскопической регистрации граждан. Нельзя мириться и с заявлениями о большом количестве без вести пропавших граждан и обнаружении неопознанных трупов. Примерно 85 тыс. в год из них так и остаются неопознанными.

Указанные выше позиции видных ученых выражают широко представленную в научном мире позицию относительно обязательности дактилоскопической регистрации для всех лиц, находящихся на территории Российской Федерации.

Введение всеобщей дактилоскопической регистрации граждан в Российской Федерации – это вопрос, требующий глубокого анализа с точки зрения Конституции Российской Федерации. Статья 2 Конституции РФ гласит, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», а статья 22 подчёркивает неотъемлемость и не отчуждаемость прав и свобод.

Введение дактилоскопии может быть воспринято как ограничение права на неприкосновенность личности (статья 23), а также как вторжение в частную жизнь и личную тайну.

Для достижения оптимального решения необходимо рассмотреть цели, ради которых предусмотрено введение дактилоскопической регистрации.

Статья 55 Конституции РФ указывает, что ограничения прав и свобод допускаются только в случае, если это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других граждан, а также для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Таким образом, любое ограничение прав и свобод, включая внедрение дактилоскопической регистрации должно

основываться на чётких критических условиях, которые подтверждают необходимость таких мер.

При этом следует учитывать, что всеобщая дактилоскопия может улучшить криминалистическую работу, повысить безопасность (например, при въезде в страну или при получении государственных услуг) и упростить некоторые процессы (например, получение государственных услуг или прохождение таможенного контроля).

В конечном счёте решение о введении всеобщей дактилоскопической регистрации должно быть принято с учётом всех возможных последствий и в соответствии с Конституцией РФ. При этом важно обеспечить, чтобы данные о пальцевых отпечатках собирались и использовались с соблюдением принципов законности, необходимости, соразмерности и защиты прав человека [3, с. 313].

Внедрение обязательной дактилоскопии, несмотря на имеющуюся материально-техническую базу, требует глубокого анализа готовности общества к подобным нововведениям. С одной стороны, развитие информационных технологий сделало дактилоскопию частью повседневной жизни, свидетельством чего является широкое внедрение дактилоскопических датчиков в смартфонах, компьютерах и ноутбуках. Это говорит об эффективности и принятии технологии гражданами.

Однако, с другой стороны, это же развитие технологий повышает риски утечки личной информации, которая может быть использована в преступных целях. Поэтому, при введении всеобщей дактилоскопии, первоочередной задачей является повышение уровня информационной безопасности в соответствующей сфере.

Важнейшим аспектом является обеспечение надлежащей безопасности личной жизни каждого гражданина. Для этого необходима детальная регламентация процедуры снятия отпечатков пальцев, закреплённая в федеральном законе. Такая регламентация позволит минимизировать риски злоупотреблений и гарантировать, что данные будут использоваться только в установленных законом случаях.

Подводя итог вышесказанному, следует сделать вывод о том, что обязательная дактилоскопическая регистрация фактически является неизбежным решением, которое с одной стороны в значительной степени позволит оптимизировать деятельность государственного аппарата, а с другой стороны – будет являться весьма весомой гарантией соблюдения ряда конституционных прав граждан.

Список литературы:

1. Полещук О.А., Попов В.Ф. Розыск без вести пропавших – приоритетное направление деятельности органов внутренних дел в обеспечении безопасности личности // Юридическая гносеология. 2024. № 3. С. 153-158.
2. Международная ассоциация содействия правосудию: официальный сайт: – URL: <https://www.iauaj.net/> (дата обращения: 15.10.2024).
3. Яшин А.А., Панков Н.С., Рогожина К.С. К вопросу о всеобщей дактилоскопической регистрации граждан // Трибуна ученого. 2022. № 6. С. 307-313.
4. Федеральный закон от 25.07.1998 г. № 128-ФЗ (ред. от 13.07.2020) О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации. С. 5-8

4.6. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ЭТИКА, БЕЗОПАСНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РЕГУЛИРОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

Глушков Валентин Алексеевич

студент

*Кузбасского гуманитарно-педагогического
института федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования "Кемеровский
государственный университет",
РФ, г. Кемерово*

Томилова Инга Игоревна

научный руководитель

*Кузбасского гуманитарно-педагогического
института федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования "Кемеровский
государственный университет",
РФ, г. Кемерово*

ETHICS, SAFETY AND RESPONSIBILITY IN THE REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AT THE INTERNATIONAL LEVEL

Valentin Glushkov

Student,

*Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute
of the Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education "Kemerovo State University",
Russia, Kemerovo*

Inga Tomilova

*Scientific supervisor,
Kuzbass Humanitarian Pedagogical
Institute of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
"Kemerovo State University",
Russia, Kemerovo*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов регулирования искусственного интеллекта (ИИ) в контексте международного права. В работе анализируются существующие правовые механизмы, договоры и декларации, а также исследуются перспективы разработки новых нормативных актов, регулирующих ИИ на международном уровне. Особое внимание уделено вопросам этики, безопасности и ответственности, возникающим в связи с внедрением ИИ. В результате исследования делаются выводы о необходимости более активного участия государств в формировании международно-правовых стандартов в данной сфере.

Abstract. The article is devoted to the consideration of issues of regulation of artificial intelligence (AI) in the context of international law. The paper analyzes existing legal mechanisms, treaties and declarations, as well as explores the prospects for the development of new regulations governing AI at the international level. Special attention is paid to the issues of ethics, safety and responsibility arising from the introduction of AI. As a result of the study, conclusions are drawn about the need for more active participation of states in the formation of international legal standards in this area.

Ключевые слова: ИИ, нормативные акты, международное право, анализ.

Keywords: AI, regulations, international law, analysis.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) становится важной частью современной цифровой экономики и общества, проникая в различные сферы деятельности, в связи с этим возникают новые вызовы для правовой системы, требующие международного регулирования. Международное право, как инструмент глобального управления, должно быть адаптировано к современным вызовам, включая вопросы, связанные с развитием и использованием ИИ. Настоящая статья рассматривает основные проблемы международно-правового регулирования ИИ, анализируя существующие и предлагаемые нормативные акты, а также предлагая возможные пути их развития.

На сегодняшний день в международной правовой системе отсутствует единый всеобъемлющий договор, который бы регулировал использование и развитие искусственного интеллекта на глобальном уровне. Тем не менее, различные международные организации и союзы предпринимают шаги по созданию правовых рамок для регулирования технологий ИИ, стараясь охватить как этические, так и юридические аспекты его применения. Эти усилия включают работу над рекомендациями, декларациями и законопроектами, которые закладывают основы для будущего регулирования.

Одним из ключевых международных документов в этой области является Рекомендация ЮНЕСКО по этике ИИ 2021 года [6]. Этот документ подчеркивает важность прозрачности, подотчетности и справедливости при разработке и применении систем ИИ. Рекомендация включает положения, касающиеся прав человека, призывая государства обеспечить механизм внедрения ИИ, не нарушающий основные права и свободы человека и гражданина. В документе сделан акцент на предотвращении дискриминации и предвзятости в алгоритмах, а также необходимость создания механизмов контроля за деятельностью ИИ, что в свою очередь предполагает разработку независимых органов для мониторинга и аудита ИИ-систем, а также создание нормативной базы по регулированию.

Европейский Союз (далее – ЕС) занимает лидирующую позицию в разработке регламентирующей правовой базы для ИИ. В 2021 году Европейская комиссия предложила Законопроект об искусственном интеллекте [2] (далее – AI Act), который вводит новый подход к регулированию ИИ на основе оценки рисков. Законопроект разделяет ИИ-системы на несколько категорий в зависимости от уровня риска, который они представляют для общества и прав человека. Наибольшие требования предъявляются к высоко рисковым ИИ-системам, которые могут оказывать прямое влияние на здоровье, безопасность и основные права граждан. Например, ИИ, используемый в критической инфраструктуре, медицине, транспорте и правоприменении, будет подлежать строгому регулированию, включая обязательную сертификацию и мониторинг. Для ИИ-систем с низким уровнем риска предполагаются минимальные требования, такие как обеспечение прозрачности алгоритмов.

Также стоит отметить усилия Совета Европы, который ведет работу по созданию правовых стандартов в сфере ИИ в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод [1]. В 2022 году Совет выпустил Рекомендации по этике для заслуживающего доверия ИИ [7], которое дополняет существующие международные нормы по правам человека и предлагает конкретные правовые механизмы для защи-

ты прав граждан в условиях роста применения ИИ. В руководстве подчеркивается, что государства должны принимать меры для предотвращения злоупотреблений ИИ, например, незаконного слежения или дискриминации.

Наряду с этим, Организация Объединенных Наций (ООН) инициировала создание Глобального договора по цифровой безопасности и защите данных, который включает положения о регулировании ИИ с точки зрения безопасности и конфиденциальности данных [8]. ООН стремится создать глобальную платформу для обсуждения и разработки правовых норм, касающихся как этики, так и безопасности ИИ, уделяя особое внимание трансграничному сотрудничеству и обмену информацией между государствами.

Таким образом, хотя на данный момент отсутствует единый универсальный международный правовой акт, специально регулирующий ИИ, в различных юрисдикциях и международных организациях наблюдается активное развитие нормативной базы для решения этих вопросов. Тем не менее, существует необходимость в создании более скоординированного и интегрированного подхода, который бы обеспечивал защиту прав человека и безопасности на глобальном уровне, одновременно способствуя инновациям и развитию технологий ИИ.

Одним из ключевых вопросов, связанных с развитием и использованием искусственного интеллекта, является проблема распределения ответственности за действия, совершённые ИИ-системами. В отличие от традиционных технологий, ИИ обладает способностью принимать автономные решения и обучаться на основе данных, что делает трудным определение субъектов, ответственных за возможные ошибки или ущерб. В международном праве данный аспект ещё не получил должного отражения, что создаёт значительные правовые пробелы и вызывает необходимость разработки новых правовых механизмов, учитывающих особенности ИИ.

Одним из примеров правовой неопределённости является проблема, связанная с определением того, кто несёт ответственность за ущерб, причинённый ИИ: разработчик, поставщик программного обеспечения, владелец или пользователь системы? Эти вопросы особенно актуальны в контексте использования ИИ в критически важных областях, таких как здравоохранение, транспорт и правоохранительная деятельность, где ошибки или сбои могут иметь серьёзные последствия для жизни и здоровья людей. Международное право на данный момент не предлагает универсального решения этой проблемы, что приводит к появлению различных подходов на национальном уровне в данном вопросе.

Некоторые страны уже сделали определенные шаги в направлении регулирования этих вопросов. Например, Германия внесла изменения касающиеся регулирования использования автономных систем, включая искусственный интеллект в транспортных средствах и другие связанные с ними нормативные акты, Закон о дорожном движении (Straßenverkehrsgesetz, StVG) [4].

Изменения в Законе предусматривают возможность использования автономных транспортных средств уровня 4 в ограниченных операционных условиях. Кроме того, уточняется распределение ответственности между оператором автономного транспортного средства, его владельцем и производителем (в том числе разработчиком ИИ), а также вводятся требования к оборудованию транспортных средств, обеспечивающие их безопасность и обязательному наличию дистанционного оператора, который может вмешаться в управление в случае необходимости.

Эти изменения создали основу для правового регулирования эксплуатации автономных транспортных средств и подняли вопрос, касающийся распределения ответственности в случае аварий или технических сбоев, что является важным шагом в контексте регулирования ИИ в транспортной сфере.

Ещё одним примером регулирования использования искусственного интеллекта в правовой системе является Закон Франции о цифровых технологиях (Loi pour une République numérique) [5], принятый в 2016 году и дополненный рядом нормативных актов, касающихся ИИ. Данный закон охватывает несколько направлений регулирования ИИ, включая управление данными, ответственность за цифровые системы и защита персональных данных и формирует основу для регулирования использования искусственного интеллекта, особенно в контексте данных и ответственности за цифровые решения.

Основные положения, которые имеют отношение к управлению данными, защите персональных данных и цифровым системам, отражены в следующих статьях:

Управление данными (ст. 6, 7-1) Открытость и повторное использование данных. Эти статьи регулируют доступ к открытым данным, обязывая государственные учреждения предоставлять данные для публичного использования, что является важным шагом для использования данных в обучении ИИ. Введение механизма данных общедоступных сетей и обязательство публикации определённых наборов данных (ст. 17).

Ответственность за цифровые системы и автоматизированные системы ИИ (ст. 19). Статья предусматривает внедрение стандартов

для платформ и цифровых систем, влияющих на обеспечение безопасности и устойчивости. (ст. 47) Статья обязывает операторов цифровых платформ предоставлять информацию о работоспособности алгоритмов, обеспечивая прозрачность для пользователей. 3. Защита персональных данных. (ст. 20) Статья предполагает ужесточение требований по обработке и защите персональных данных, регламентом по защите данных (GDPR) [3]. (ст. 32) Статья подробно описывает обязательства по информированию пользователей о сборах и обработке их данных, с целью повышения прозрачности их использования, что критично для ИИ-систем.

Одним из важных аспектов, который необходимо учитывать при разработке международных правовых норм, является проблема безопасности ИИ. Искусственный интеллект может быть использован не только для благих целей, но и для кибератак, слежения, дискриминации и других незаконных действий. ООН и другие международные организации не единожды высказывали опасения по поводу того, что ИИ может быть использован для нарушения прав человека и стать инструментом для манипуляции поведением людей.

На сегодняшний день вопрос безопасности систем ИИ обсуждается в контексте разработки международных соглашений, направленных на предотвращение их использования для агрессивных или незаконных целей. Примером является инициатива Организации Объединённых Наций по разработке Глобального договора о цифровой безопасности, который рассматривает ИИ как один из факторов, потенциально угрожающих мировой безопасности. Этот договор направлен на регулирование использования ИИ в военных и гражданских целях, с акцентом на обеспечение безопасности данных и предотвращение использования ИИ в кибератаках и других формах цифровой агрессии.

Особое внимание в контексте ИИ уделяется этике и прозрачности. Многие международные организации, в частности ЮНЕСКО и Европейский Союз, указывают на необходимость создания стандартов, которые бы регулировали алгоритмы ИИ, делая их более прозрачными и поддающимися контролю. Это включает в себя обязательства по объяснимости решений, принимаемых ИИ-системами, чтобы пользователи и регулирующие органы могли лучше понимать, как именно работает ИИ и какие данные использовались для его обучения. Без таких механизмов будет сложно установить, является ли ошибка или вред, причинённый ИИ, результатом человеческой ошибки или преднамеренного действия ИИ-системы.

Этические аспекты внедрения ИИ занимают особое место в международных дебатах. Принципы недискриминации, справедливости и

транспарентности должны лежать в основе правовых механизмов, регулирующих ИИ. ЮНЕСКО в своих рекомендациях особо подчеркивает важность обеспечения соблюдения прав человека и предотвращения предвзятости алгоритмов.

Таким образом, ключевым вызовом для международного права в сфере ИИ является создание универсальных норм, которые бы не только урегулировали вопросы ответственности, но международные усилия должны быть направлены на формирование согласованных правовых механизмов, которые бы обеспечили баланс между инновациями и необходимостью минимизации рисков, связанных с ИИ.

Международные организации, такие как ООН и ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности), также высказываются о необходимости разработки этических стандартов и правовых рамок для регулирования ИИ, с целью минимизации рисков, связанных с автоматизированными решениями, влияющими на социальные и экономические процессы.

Искусственный интеллект открывает новые горизонты для развития экономики и общества, однако его использование требует внимательного правового регулирования на международном уровне. Исследования показали, что существующие международные нормы являются фрагментированными и не обеспечивают полного охвата проблем, связанных с ИИ. В этом контексте необходимо активизировать международные усилия по созданию единого правового пространства для регулирования ИИ, основываясь на принципах этики, ответственности и безопасности.

Будущее международного права в области ИИ зависит от консенсуса между государствами, международными организациями и частными игроками. Совместная работа над новыми правовыми механизмами позволит эффективно управлять рисками, связанными с ИИ, и максимизировать его положительное воздействие на глобальное развитие.

Список литературы:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод / [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203000250&page=1&rdk=0&link_id=56#10 (дата обращения: 19.09.2024).
2. Official Journal (2024) / [Электронный ресурс] // The Act Texts | EU Artificial Intelligence Act : [сайт]. – URL: <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (дата обращения: 19.09.2024).

3. Complete guide to GDPR compliance / [Электронный ресурс] // GDPR.EU : [сайт]. – URL: <https://gdpr.eu/> (дата обращения: 19.09.2024).
4. Straßenverkehrsgesetz (StVG): Welche Vorschriften enthält es? / [Электронный ресурс] // Bußgeldkatalog & Bußgeldrechner : [сайт]. – URL: <https://www.bussgeldkatalog.org/stvg/> (дата обращения: 19.09.2024).
5. LOI n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique (1) / [Электронный ресурс] // Legifrance : [сайт]. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000033202746> (дата обращения: 19.09.2024).
6. Ethics of Artificial Intelligence The Recommendation / [Электронный ресурс] // Ethics of Artificial Intelligence | UNESCO : [сайт]. – URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (дата обращения: 19.09.2024).
7. Рекомендации по этике для заслуживающего доверия ИИ / [Электронный ресурс] // Shaping Europe’s digital future : [сайт]. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 19.09.2024).
8. ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦИФРОВОЙ ДОГОВОР ООН: УПОРЯДОЧЕНИЕ ХАОСА ИЛИ СЛЕДОВАНИЕ ИНТЕРЕСАМ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО БИЗНЕСА? / [Электронный ресурс] // Центр Глобальной ИТ кооперации : [сайт]. – URL: <https://cgitc.ru/media/globalnyy-tsifrovoy-dogovor-onn-uporyadochenie-khaosa-ili-sledovanie-interesam-transnatsionalnogo-bi/> (дата обращения: 19.09.2024).

4.7. ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ТРУДА: СУБЪЕКТЫ, ПРИНЦИПЫ И ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Андреенков Денис Викторович

магистрант,

ФГБОУ ВО «Донецкая академия

управления и государственной службы»,

РФ, Донецкая Народная Республика, г. Донецк

SOCIAL PARTNERSHIP IN THE FIELD OF WORK: SUBJECTS, PRINCIPLES AND FORMS OF SOCIAL PARTNERSHIP

Denis Andreenkov

Graduate student,

FSBEI HE "Donetsk Academy

of Management and Public Service",

Russia, Donetsk People's Republic, Donetsk

Аннотация. В статье рассмотрена сущность понятия «социальное партнерство» с позиции трудового права; представлены основные принципы социального партнерства; рассмотрены формы социального партнерства и его субъекты, а также предложения по совершенствованию системы социального партнерства.

Abstract. The article examines the essence of the concept of “social partnership” from the position of labor law; the basic principles of social partnership are presented; forms of partnership and its subjects are considered, as well as proposals for their improvement.

Ключевые слова: трудовое право, социальное партнерство, работник, работодатель, субъекты социального партнерства, формы социального партнерства, принципы социального партнерства.

Keywords: labor law, social partnership, employee, employer, subjects of social partnership, forms of social partnership, principles of social partnership.

Актуальность темы исследования. Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) определил основы социального партнерства, дал его определение, установил основные принципы социального партнерства, охарактеризовал его стороны, определил его уровни и формы, а также закрепил ответственность сторон социального партнерства.

Социальное партнерство, это важный элемент во взаимоотношениях между работником и работодателем. Поиск компромиссов, может установить нормальные трудовые отношения между работником и работодателем, что важно на сегодняшний день в условиях политико-экономической нестабильности.

Цель данной статьи является раскрытие понятия социального партнерства, его субъекты, формы и принципы, а также предложения по совершенствованию его системы.

Изложение основного материала исследования. С 1991 г. в Российской Федерации начинает развиваться новое явление – социальное партнерство. За это время во многих научных трудах зарубежных и отечественных авторов анализировалось явление социальное партнерство, и вырабатывались подходы к определению его понятия.

В научных трудах социальное партнерство рассматривается с позиции различных подходов: одни объясняют его как своеобразный тип общественных отношений между социальными группами (Бадхен М.Л.) [1, с.95], другие – как систему взаимоотношений между государством, работниками и работодателями (Михеев В.А.) [4, с.3], а также как специфический тип социально-трудовых отношений, свойственный рыночной экономике (Бородин И.И.) [2, с.36-42].

В российском законодательстве понятие социальное партнерство было впервые закреплено в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ). Социальное партнерство – это система взаимоотношений между работниками (представителями работника), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений [10, с.16].

Основу трудового права составляют принципы, которые закреплены в ТК РФ, одним из них является социальное партнерство (всего их 19).

В соответствии со ст.1 ТК РФ одной из основных задач трудового законодательства является создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений и интересов государства. Установление социального диалога с самого начала ложится на плечи государства, в связи, с чем именно оно является ответственным за укрепление социального партнерства.

Главной целью социального партнерства является обеспечение согласования интересов работников и работодателей в процессе трудовой деятельности. Как следствие, можно говорить, о том, что социальное партнерство обеспечивает реализацию коллективных трудовых отношений.

Субъектами социального партнерства являются работники и работодатели или представители обеих сторон (участников трудовых отношений). Данная норма установлена ст.25 ТК РФ и предполагает также, что со стороны работодателей в качестве субъектов социального партнерства могут выступать органы государственной власти и органы местного самоуправления. Здесь нужно отметить особенность трудового законодательства, согласно которой данные субъекты могут выступать стороной социального партнерства, только лишь в случаях, предусмотренных законом.

В статье 24 ТК РФ закреплены основные принципы социального партнерства. Среди них стоит выделить: равноправие сторон, а также уважение и учет интересов друг друга, без которых невозможно достигнуть согласия ни по одному вопросу, выносимому на переговоры. Каждый работник хочет иметь достойную заработную плату, но при этом нельзя не учитывать экономическую возможность работодателя. Вместе с тем, работодатель, невзирая на финансовую составляющую, тоже должен думать о своих работниках. Ни одно предприятие не может развиваться без необходимого количества людей. Поэтому, как отмечает Сошникова Т.А., работники и работодатели все-таки партнеры, а не попутчики [9, с.346-348].

Румянцев Н.В. считает, что принципы социального партнерства являются основой организации трудового взаимодействия его субъектов (работника и работодателя) и, следовательно, социальное партнерство можно расценивать как полноценный институт трудового права. Об этом также говорит тот факт, что положение ст.2 ТК РФ указывают на договорное регулирование трудовых отношений [8, с.2]. Нужно отметить, что принципы института социального партнерства в 2020 году нашли свое отражение в Конституции РФ [3, с.60].

В РФ система социального партнерства состоит из следующих элементов: комиссии по регулированию социально-трудовых отношений на всех уровнях социального партнерства (федеральном, региональном, территориальном, отраслевом, межотраслевом и локальном); коллективных договоров на локальном уровне; соглашений на федеральном, региональном, межрегиональном, территориальном, отраслевом. Вместе с тем наличие системы социального партнерства на всех уровнях не означает эффективности взаимодействия работников и работодателей.

Трудовое право выделяет такие формы социального партнерства:

- коллективный договор;
- взаимные консультации (переговоры);
- участие работников, их представителей в управлении организации;
- участие представителей работников и работодателей в разрешении трудовых споров.

Однако данный перечень не является исчерпывающий.

В ст. 224 ТК РФ предусмотрено создание на паритетной основе комитетов (комиссий) по охране труда. Они тоже являются формой социального партнерства в сфере подготовке и проведении мероприятий по обеспечению охраны труда.

Законом Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» предусмотрено создание координационных комитетов содействия занятости населения. Их основная задача – выработка сбалансированных решений по реализации политики занятости населения на федеральном, территориальных уровнях [6, с. 31].

При этом не определена возможность создания таких комитетов на региональном уровне. Здесь необходимо дополнить статью региональным уровнем, поскольку деятельность комитетов содействия занятости населения на уровне субъекта РФ стала бы более продуктивной, чем деятельность территориальных комитетов. Статьей 15 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» предусмотрено право профсоюзов на участие в управлении государственными фондами социального страхования, медицинского страхования, пенсионным и другими фондами, формируемыми за счет страховых взносов [7, с.12]. Аналогичное право предусмотрено в ст.13 Федерального закона «Об объединениях работодателей» для объединений работодателей [5, с.10].

В качестве формы социального партнерства необходимо выделить и право социальных партнеров направлять свои предложения друг другу или в соответствующие органы государственной власти и

местного самоуправления (ст. 35.1 ТК РФ). В большей степени это касается профессиональных союзов и их объединений.

Можно смело говорить, что все перечисленное тоже является формами социального партнерства и их необходимо закрепить в ст. 27 ТК РФ.

При таком многообразии форм социального партнерства, все же основной видится коллективный договор. Здесь стоит отметить, что на сегодняшний день коллективный договор, является необязательным правовым актом. Заключение его – это волеизъявление сторон (участников трудовых отношений), но если с инициативой подписать коллективный договор выступает одна из сторон, то другая сторона обязана вступить с ней в переговоры (ст. 36 ТК РФ).

В условиях многообразия форм собственности только коллективный договор может обеспечить защиту интересов работников и создать устойчивые отношения между работником и работодателем. Наличие коллективного договора – признак солидной организации, уверенно смотрящей вперед, заботящейся о своем потенциале, как было сказано на одном круглом столе.

Сегодня в практике социального партнерства имеется немало проблем, которые препятствуют развитию его форм, среди них стоит выделить отсутствие профсоюзных организаций, а местами и препятствие их образованию особенно в малом бизнесе и вновь создаваемых предприятиях. Одним из импульсов дальнейшего развития социального партнерства может стать внесение изменений в ТК РФ в части обязательности заключения коллективного договора и включения в его конкретных обязательств работодателей и работника (как это было закреплено ранее в трудовом законодательстве Республик Советского Союза).

Ведь включение в коллективный договор дополнительных гарантий и льгот стоит рассматривать как инвестиции в человеческий капитал. Коллективный договор представляет собой систему социально-трудовых гарантий, развитие которой является эффективным инструментом регулирования экономических отношений и значимым фактором воспроизводства трудового потенциала в рыночных условиях.

Для того чтобы социальное партнерство по своей природе обеспечивало реализацию «коллективных» трудовых отношений, необходимо закрепить в ст.42 ТК РФ норму о принятии и заключении коллективного договора на общем собрании или конференции трудового коллектива.

Одной из задач трудового законодательства является оптимальное согласование интересов работника и работодателей. В условиях

политико-экономической нестабильности необходимо закрепить эту задачу в ст.2 ТК РФ в качестве одного из принципов правового регулирования трудовых отношений. Это позволит более качественно применить механизм социального партнерства в локальных актах.

Выводы. На основе проведенного исследования установлено, что одной из главных целей социального партнерства является содействие разрешению возникающих экономических и социальных проблем, а также достижение согласия между участниками субъектами трудовой деятельности (работники и работодатели). Можно сделать вывод, что социальное партнерство является ключевым элементом для обеспечения устойчивого формирования и развития трудовых отношений. Однако, невзирая на всю значимость социального партнерства и его место в трудовом праве, реализация его принципов не всегда является эффективной системой, в результате чего обеспечение согласования интересов работников и работодателей в процессе трудовой деятельности остается недостижимым.

В связи с чем, в виду того, что социальное партнерство – это явление сравнительно новое для Российской Федерации и в условиях политико-экономической нестабильности видится необходимость доработки и пересмотра нормативных положений о социальном партнерстве.

Список литературы:

1. Бадхен М.Л. Социальное партнерство: концепция и реализация: монография / М.Л. Бадхен, Г.В. Черкаская ; Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина. – Санкт-Петербург : Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2008. – с.268 [95].
2. Бородин И.И. Общие понятия социального партнерства / И.И. Бородин // Трудовое право. – 2003. – N 2. – С. . 36-42.
3. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года – Режим доступа. -URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013?ysclid=lnxnnm4bbo711668113>, с.60.
4. Михеев В.А. Политика социального партнерства: Политика социального партнерства : Учеб. – метод. пособие / В.А. Михеев; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – Москва : Изд-во РАГС, 1999. – с.3.
5. Об объединениях работодателей Федеральный закон от 27.11.2002 № 156-ФЗ, принят Государственной Думой 30 октября 2002 года, одобрен Советом Федерации 13 ноября 2002 года (ред. от 28.11.2015). – Официальный интернет-портал правовой информации), с.10.

6. О занятости населения в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 19 апреля 1991 года № 1032-1 (ред. от 08.08.2024). – Официальный интернет-портал правовой информации, с.31.
7. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ, принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года (ред. от 21.12.2021). – Официальный интернет-портал правовой информации, с.12.
8. Румянцев Н.В. Социальное партнерство: субъекты, принципы проблематика / Вестник Московского университета МВД России №2. -2021. – с.2.
9. Сошникова Т.А. Принципы социального партнерства и их классификация / Образование и право №5 – 2022 – с.346-348.
10. 4Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г., № 1, с.16.

4.8. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ДОКУМЕНТООБОРОТ, КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В СТРУКТУРЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дяченко Михаил Викторович

*обучающийся 3-го курса магистратуры
по направлению подготовки «Юриспруденция»,
ФГБОУ ВО «Азовский государственный
педагогический университет»,
РФ, г. Бердянск*

Дяченко Виктория Михайловна

*обучающийся 3-го курса магистратуры
по направлению подготовки «Юриспруденция»,
ФГБОУ ВО «Азовский государственный
педагогический университет»,
РФ, г. Бердянск*

Документооборот играет важную роль в структуре Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), выступая в качестве средства информационного обмена данными. Следует заметить, что с помощью документооборота обеспечивается рациональная организация работы с документацией.

Согласно Указу Президента Российской Федерации № 699, МВД России является федеральным органом исполнительной власти, который осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел. [2]

Федеральный закон № 342 прописывает, что в зависимости от занимаемой должности, сотруднику органов внутренних дел Российской Федерации может быть присвоено специальное звание полиции, внутренней службы и юстиции. [6]

Таким образом, в состав МВД России входят не только подразделения, выполняющие функции полиции, согласно Федеральному закону №3, а также организации и подразделения, созданные для выполне-

ния задач, возложенных на МВД России, которые не связаны напрямую с деятельностью полиции, например, организационные и управленческие функции.

Специальное звание юстиции присваивается только сотрудникам следственных отделов и управлений.

Основными подразделениями внутренней службы МВД России выделяют Управления штаба, тылового обеспечения, делопроизводства и режима.

В работу управления делопроизводства и режима входит документационное обеспечение, организация входящей и исходящей корреспонденции, а также контроль за соблюдением режима секретности с отдельными документами, содержащими грифы секретности. [4]

Управление тылового обеспечения занимается вопросами обеспечения МВД России всем необходимым от форменного обмундирования и вооружения до технических средств и офисной бумаги.

Однако согласно внутренним приказам, для выдачи любого обмундирования, технических средств, техники, канцелярских товаров и прочего необходимо согласование с вышестоящим руководством. С этой целью сотрудники указанных подразделений подготавливают сопроводительное письмо с просьбой о выдаче необходимых средств. Далее подразделение делопроизводства и режима регистрирует указанное письмо. После распоряжения руководителя органа о выдаче возможно получить все необходимое.

В свою очередь Управление Штаба МВД России – это организационный орган, который подготавливает проекты управленческих решений (например, протоколы совещаний при руководстве МВД России), документы аналитического, статистического характера (например, отчеты и анализы о проделанной работе за определенный период времени отдельными территориальными органами МВД России). [3]

Также следует добавить, что к основным полномочиям Штаба относятся контроль за соблюдением учетно-регистрационной дисциплины. В настоящее время указанное направление деятельности является одним из приоритетных в МВД России, основная задача которого – недопущение укрытий преступлений и правонарушений от регистрации и учета.

Согласно Приказу МВД России № 736 все сообщения и заявления, поступающие в органы внутренних дел Российской Федерации, обязательны к регистрации вне зависимости от того является это сообщение о преступлении либо об административном правонарушении, либо о происшествии.

Согласно статье 144 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации сотрудники МВД России при проверке вышеуказан-

ных сообщений должны принять решение по таким фактам в срок не позднее 3 суток со дня поступления сообщения. Однако при наличии веских обстоятельств указанный срок может быть продлен начальником следственного отдела либо начальником органа дознания до 10 суток. В исключительных случаях, указанный срок может быть продлен до 30 суток прокурором либо начальником следственного отдела. [7]

Решением, принятым по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, является либо возбуждение уголовного дела, либо отказ в возбуждении уголовного дела, либо передача сообщения по подследственности.

Каждое принятое решение регистрируется в подразделении делопроизводства и режима. В первом случае следователь или дознаватель выносит постановление о возбуждении уголовного дела, которое необходимо в течение суток направить прокурору для уведомления о принятом решении по делу. Во втором случае уполномоченный сотрудник обязан вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и в течение 24 часов направить копию указанного постановления заявителю и прокурору. В третьем случае уполномоченное лицо также выносит постановление, но о передаче сообщения по подследственности для принятия дальнейшего решения согласно статьям 144-145 УПК Российской Федерации. [7]

Таким образом, каждое из вышеуказанных решений регистрируется в подразделении делопроизводства и режима для уведомления о принятом решении заявителя и прокурора.

Следует заметить, что деятельность всего органа напрямую зависит от квалифицированной работы Управления делопроизводства и режима. Каждый сотрудник органов внутренних дел создает документы, которые необходимо обработать, зарегистрировать и направить адресату. Именно с этой целью и создано указанное подразделение.

Список литературы:

1. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : Приказ МВД России от 29 августа 2014 года № 736 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.- Москва, 1997-. – Загл. с титул. экрана.
2. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : в редакции от 5 февраля 2024 года : Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 года № 699 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.- Москва, 1997-. – Загл. с титул. экрана.

3. Об утверждении типового положения о штабе территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации : Приказ МВД России от 26 октября 2017 года № 808: // КонсультантПлюс : справочная правовая система.- Москва, 1997-. – Загл. с титул. экрана.
4. Российская Федерация. Законы. О государственной тайне : закон № 5485-1 : текст с изменениями и дополнениями от 1 февраля 2027 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система.- Москва, 1997-. – Загл. с титул. экрана.
5. Российская Федерация. Законы. О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 1 июня 2024 года : принят Государственной Думой 28 января 2011 года : одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система.- Москва, 1997-. – Загл. с титул. экрана.
6. Российская Федерация. Законы. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 1 июня 2024 года : принят Государственной Думой 17 ноября 2011 года : одобрен Советом Федерации 25 ноября 2011 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система.- Москва, 1997-. – Загл. с титул. экрана.
7. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями от 1 июля 2024 года : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система.- Москва, 1997-. – Загл. с титул. экрана.

ОСОБЕННОСТИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ВИДА НАКАЗАНИЯ

Нияз Г.

магистрант,

Санкт-Петербургский университет МВД РФ,

РФ, г. Казань

Аннотация. Лишение свободы на определенный срок на сегодня является самым строгим видом наказания (не считая пожизненного лишения свободы), более чем 90 санкций статей Уголовного Кодекса Российской Федерации содержат данный вид наказания. Вместе с тем актуальные данные судебной статистики свидетельствуют о том, что суды в 70% случаев осуждения назначают наказания, не связанные с лишением свободы. Настоящая публикация посвящена проблемам назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок, в частности, в связи с применением статьи 64 УК РФ, а также в связи с отменой кассационными судами решений апелляционных судов, в свою очередь отменяющих использование статьи 64 УК РФ и пр. [1, с.37].

Ключевые слова: лишение свободы, осужденные, изоляция, места лишения свободы.

Лишение свободы на определенный срок является основным видом наказания и связано с изоляцией лиц от общества вследствие совершенного ранее этими лицами преступления. Этот вид наказания содержится в более чем в 90 санкциях норм Особенной части УК РФ. Такая изоляция препятствует свободному выбору места жительства, свободе передвижения, общения, а также приводит к культурной депривации, поскольку осужденный не может посещать культурные мероприятия по своему выбору. Кроме того, режим места отбывания наказания накладывает ограничение на выбор уклада и образа жизни осужденного. В местах лишения свободы осужденные заняты общественно полезным трудом, профессиональным обучением и находятся под воздействием воспитательной работы работников пенитенциарного учреждения. Лишение свободы направлено на восстановление социальной справедливости, предупреждение совершения новых преступлений, а также на исправление осужденных и является по своему характеру одним из наиболее строгих видов наказаний.

Основываясь на статье 60 УК РФ, можно сказать о том, что лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание за содеянное [1, с.33]. При назначении наказа-

ния учитываются характер и степень опасности преступления, личность виновного, а так же обстоятельства, которые могут как смягчать, так и отягчать наказание. На назначение наказания влияет еще и то, какое значение будет иметь назначенное наказание на исправление осужденного, а так же условия жизни его семьи – обязательное условие, выполнение которого гарантирует назначение справедливого наказания. Более строгий вид наказания назначается только в том случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания, то есть не будет достигнут изначально заложенный мотив наставить преступника на путь исправления, на осознание им тех последствий, которые наступили в результате его деяния и на его готовность искупить свою вину через отбывание наказания в виде лишения свободы, принося пользу обществу через общественно полезный труд и производство материальных благ.

Рассмотрим статистику, касающуюся лишения свободы осужденных лиц (таблица 1).

Таблица 1.

**Доля лиц, осужденных к лишению свободы лиц
в 2017-2022 гг. в РФ [4]**

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Всего осуждено	697054	658291	598207	530998	565523	578751
К реальному лишению свободы на определенный срок	200225	190325	175117	149681	158923	167166
Доля лишенных свободы в осужденных лицах (%)	28,72	28,91	29,27	28,19	28,10	28,88

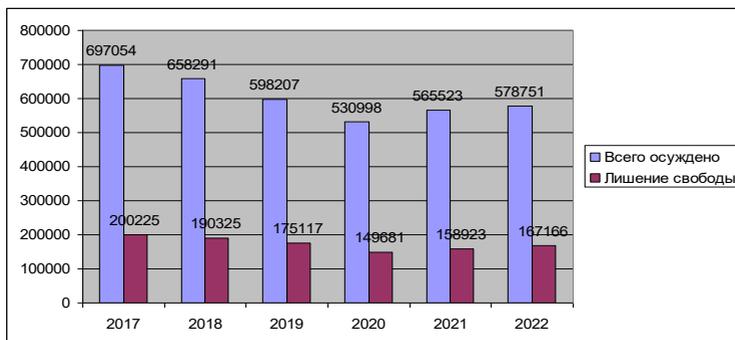

Рисунок 1. Динамика численности осужденных и лиц, лишенных свободы по приговору суда в РФ в 2017-2022 гг.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2017-2022 гг. доля осужденных к реальному лишению свободы практически оставалась неизменной, и только в 2019 году вышло за 28% и составило 29,27%. В остальные годы доля лишенных свободы в осужденных лицах находилась в пределах 28,1-28,91%. Таким образом, менее 30% от всего числа осужденных были приговорены судом к отбыванию наказания в местах лишения свободы. Количество осужденных достигало максимума в 2017 году и минимума в 2020 году (в разгар пандемии коронавирусной инфекции) [4]. Во ФСИН убеждены, что доля наказаний, альтернативных лишению свободы, составляет в России более 70% от общего числа приговоров [8].

Существует ряд проблем, как в назначении наказания, связанного с лишением свободы осужденного, так и связанных с вопросами исполнения приговора о лишении свободы осужденных лиц.

Относительно-определенные санкции норм Особенной части УК РФ содержат пределы наказания в виде лишения свободы (нижние и верхние, либо только верхние). Но встречаются в судопроизводстве случаи, когда суд может назначить более мягкое наказание, нежели указано в конкретной статье УК РФ. Такая возможность предусмотрена статьей 64 УК РФ [1, с.37]. Как правило, суд учитывает всю совокупность смягчающих обстоятельств и выносит решение в пользу обвиняемого, выходя за пределы наказания, предусмотренного санкцией конкретной статьи УК РФ.

Данная статья УК РФ предусматривает назначение более мягкого наказания, учитывая исключительные обстоятельства, в которые входят характеристика личности преступника, его мотивы, его роль при подготовке и совершении преступления, то, как он вел себя при совершении преступления, а так же после содеянного. Таким образом, учитываются все обстоятельства, существенно уменьшающие степень общественной опасности преступления, так же учитывается активное содействие участника группового преступления раскрытию этого преступления.

Более мягкое наказание может быть назначено судом ниже нижнего предела, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ, или может быть назначен более мягкий вид наказания, чем предусмотрено данной статьей, либо может не применяться дополнительный вид наказания, которое предусмотрено в качестве обязательного.

Проблема применения положений статьи 64 УК РФ заключается в том, что обозначен лишь оценочный признак – наличие исключительных смягчающих обстоятельств [1, с.37]. Такой признак не позволяет точно определить возможность применения этой статьи, поскольку

ку она остается на усмотрение суда в каждом конкретном разбирательстве и именно суд решает, достаточно ли собрано смягчающих обстоятельств для того, чтобы использовать положение статьи 64 УК РФ [1, с.37]. Наиболее часто суды к исключительным обстоятельствам в данной норме относят:

- цели и мотивы преступления, то есть было ли преступление совершено впервые, было ли совершено в результате стечения обстоятельств (например, при превышении мер необходимой обороны и т.д.);
- роль виновного в подготовке или совершении преступления, был ли активным участником, или же его вовлекли, используя различные методы, которые вызвали у него мотив быть соучастником преступления, например, шантаж;
- поведение виновного во время совершения преступления, а так же после совершения преступления, например, сюда можно отнести оказание первой медицинской или иной помощи потерпевшему после совершения преступления, оплата лечения и моральная компенсация потерпевшему, возмещение ущерба;
- активное содействие при раскрытии преступления;
- семейное положение виновного, которое может характеризовать его личность как менее опасную, например, наличие у него нескольких несовершеннолетних детей, если он для них является единственным кормильцем, содержание на иждивении престарелых родителей, инвалидов, если он сам является инвалидом и т.д.

Затрагивая тему применимости статьи 64 УК РФ, нельзя не указать на часть 3, изучив которую можно сделать вывод, что рассмотренные правила в ч.ч. 1 и 2 соответствующей статьи не применяются, если осужденным были совершены преступления, перечисленные в части 3 статьи 64 УК РФ [1, с.37]. Законодатель запретил назначение лицам, виновным в совершении преступлений террористической направленности или преступлений, сопряженных с осуществлением террористической деятельности, наказания ниже нижнего предела, предусмотренного статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, частями 3 и 4 статьи 206 [1, с.185–190], частью 4 статьи 211 [1, с.196] и статьями 277, 278, 279 [1, с.267], 360, 361 УК РФ, или более мягкого вида наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей либо на неприменение дополнительного вида наказания, предусмотренного в качестве обязательного [1, с.322].

Еще одной проблемой, возникающей при применении рассматриваемой статьи, является исключение из приговоров по статье ст. 228.1 УК РФ [1, с. 217] ссылки на статью 64 УК РФ [1, с.37] и ужесточение приговора в апелляционном рассмотрении, что в итоге приводит к

необходимости кассационным инстанциям отменять постановления апелляционных инстанций (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 ноября 2022 г. № 77-5930/2022 [2], Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02 марта 2023 года по делу №77-588/2023 [3]). Такие случаи приводят к увеличению сроков рассмотрения дел и увеличению нагрузки на кассационные инстанции.

Таким образом, виновный, которому назначено наказание в виде лишения свободы, направляется в исправительное учреждение, в котором ему нужно заново социализироваться в новом ему обществе и часто при такой социализации у осужденного возникают проблемы. Проблемы, возникающие у осужденного в местах лишения свободы, многообразны. В первую очередь, в таких местах сосредоточено большое количество тяжело больных людей, в частности туберкулезом и наркоманией [6]. Во вторую очередь, нужно учитывать наличие в микросоциуме вновь прибывшего осужденного рецидивистов, осужденных на значительный срок заключения. Их влияние будет способствовать криминальному заражению лиц, впервые оказавшихся в местах лишения свободы. Также нужно учитывать высокий уровень насилия среди заключенных и встречающиеся случаи насилия по отношению к заключенным со стороны работников ФСИН. Особое внимание приковано и к вопросу переполненности мест лишения свободы. В целом нельзя сказать, что заключенных в местах лишения свободы слишком много, например, по данным Министерства юстиции РФ, заключенных в РФ на 2023 год было всего 266 тысяч человек, хотя ранее этот показатель достигал величины в 700 тысяч человек [7]. Но всего находящихся лиц в местах лишения свободы, вместе с теми, кто находится в СИЗО на 1 января 2023 года – 433 006 человек [8], что говорит о том, что в СИЗО находится очень много обвиняемых. Переполненность СИЗО обусловлена с одной стороны, длительными сроками наказания осужденных, с другой стороны, малому применению альтернативных лишению свободы видов наказания. Особенно значима эта проблема для СИЗО Москвы, в которых не хватает мест и еще не осужденных лиц этапируют в колонии, но затем этих лиц нужно снова доставлять в суд для разбирательств и вновь возвращать в колонии. Это сложно, как для подследственных, так и для судебной системы и ФСИН в целом, поскольку усложняется апелляция, усложняется этапирование. Такая переполненность также обусловлена тем, что суды не избирают другие меры пресечения даже для подозреваемых в совершении экономических преступлений [5].

Еще одной проблемой наказания в виде лишения свободы является низкая эффективность данного вида наказания при назначении малых сроков и именно для таких осужденных характерно наличие рецидивов. Возникает это из-за того, что большую часть срока такие лица находятся в СИЗО, потом, о чем и повествовалось ранее, их длительное время этапируют в места лишения свободы, а затем у них возникает возможность освободиться из таких мест условно-досрочно. В итоге не хватает времени на воспитательное воздействие в системе ФСИН и такие лица в итоге могут не всегда осознавать всю противоправность содеянного ими и недопустимость совершения этих действий в будущем, что и порождает рецидивы.

Можно сделать вывод, что государство в полной мере пока не готово к альтернативе такому наказанию, как лишение свободы, поскольку, даже не полностью выполняя свою воспитательную функцию, (количество опасных и особо опасных рецидивистов в России снизилось за 7 лет на 5284 человек или на 24,57%. Динамика нисходящая характерна для всего периода. Максимальное снижение количества опасных и особо опасных рецидивистов было зафиксировано в 2018 году – 1555 человек или 7,23% по отношению к 2017 году, в 2022 году снижение по отношению к 2021 году составило 7,82%, в 2023 году к 2022 году – 5,81% [4]), оно исполняет функцию изоляции преступников от общества, но при этом общая доля преступников, участвующих в преступлениях-рецидивах – значительная: от 30,49% в 2017 году до 32,89% в 2022 году и 33,41% – в 2023 году [4]. То есть более чем каждый третий преступник в России является рецидивистом, что говорит о невысокой способности пенитенциарной системы ресоциализировать преступников, а так же можно выделить то, что высокая криминализация в среде осужденных в местах лишения свободы, включения вновь осужденных в преступный мир и приобщение к тюремному сообществу ,приобретение там криминального опыта, является главной причиной нравственной и моральной деградации личности и попадания в группу рецидивистов.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – Москва : Проспект, 2022. – 384 с.
2. Кассационное определение СК по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02 марта 2023 г. по делу N 7У-716/2023[77-588/2023] <https://base.garant.ru/332772463/> (дата обращения: 14.04.2024).

3. Определение СК по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 ноября 2022 г. по делу N 7У-12213/2022[77-5930/2022] <https://arbitr.garant.ru/#/document/331637696/paragraph/46:0> (дата обращения: 12.04.2024).
4. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2007-2022 годы – Текст : электронный // Судебный департамент ВС РФ [сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 16.04.2024).
5. «Не убийцы и не насильники»: почему в Москве переполнены следственные изоляторы – Текст : электронный // RT [сайт]. – URL: <https://russian.rt.com/russia/article/996850-sizo-moskva-perepolnennost-mera-presecheniya> (дата обращения: 13.04.2024).
6. Интервью первого заместителя директора ФСИН России Анатолия Рудого информационному агентству «Интрефакс» – Текст : электронный // ФСИН [сайт]. – URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=170059 (дата обращения: 16.04.2024).
7. Минюст раскрыл число заключенных в колониях России – Текст : электронный // РБК [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/05/10/2023/651eb40a9a794756e17a882e> (дата обращения: 12.04.2024).
8. Число заключенных в тюрьмах России сократилось в ушедшем году почти на 33 тыс. человек – Текст : электронный // Интерфакс [сайт]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/884157> (дата обращения: 13.04.2024).

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ: ОСНОВНЫЕ СОСТАВЫ И ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ

Половинкин Иван Михайлович

*магистрант,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»,
РФ, г. Москва*

Денисов Алексей Дмитриевич

*канд. юрид. наук, доц.,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»,
РФ, г. Москва*

Изучение вопроса в сфере преступлений, связанных с незаконным оборотом веществ наркотического и психотропного характера, показывает, что данный вид преступных деяний показывает ежегодный прирост. Данная проблема затрагивает как весь современный мир в целом, так и Российское общество в частности.

Стоит отметить, что особенностью веществ наркотической и психотропной направленности является их дуальная сущность, которая заключается в противоречивости сфер их применения. С одной стороны вещества наркотического и психотропного действия активно применяются в медицинских целях, с другой стороны, граждане используют данные вещества без медицинского назначения в целях получения наркотического опьянения [6, с. 27].

Развитие института, который осуществляет контроль за оборотом веществ наркотического и психотропного характера, является приоритетным направлением отечественного уголовного законодательства. Регулирование и контроль функционирования данного института осуществляется в целях сохранения физического и психологического здоровья граждан, а также обеспечение безопасности для современного общества.

Источниками правового регулирования данной категории преступлений является Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) [1, с. 115] и Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) [2, с. 84].

Уголовная и административная ответственность за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, предусмотрена статьями, указанными на рисунке 1.

Рисунок 1. Уголовная и административная ответственность за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств

Основными видами преступлений, согласно ст. 228 Уголовного кодекса РФ[1, с.115], в сфере незаконного оборота наркотиков являются преступления, показанные на рисунке 2.

Исходя из видов преступлений, которые связаны с незаконным оборотом веществ наркотического и психотропного характера, можно определить, что под незаконным оборотом наркотических средств понимается разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ в нарушение законодательства РФ, то есть без специального разрешения уполномоченных государственных органов.

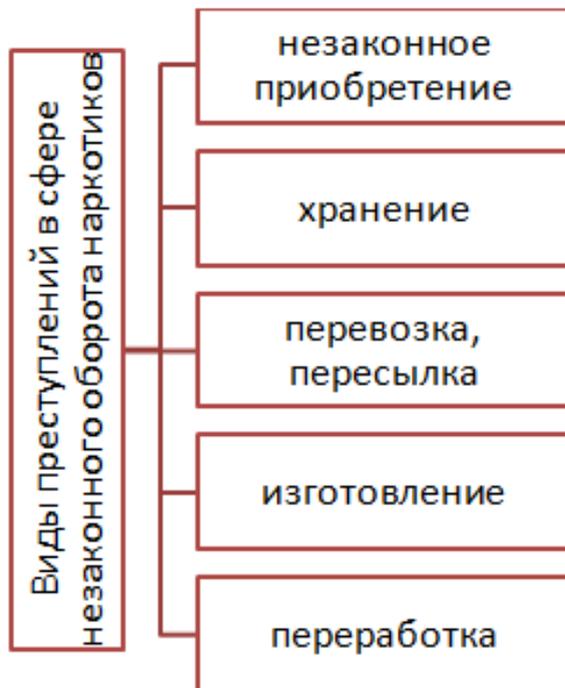

Рисунок 2. Виды преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков

Сегодня в отечественном уголовном праве существует определенный перечень проблем в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ, а именно наблюдается тенденция роста преступных деяний данной направленности в совокупности с высоким уровнем латентности [5, с. 14].

Ведущими причинами сложившейся негативной наркотической ситуации в России выступают:

- резкий рост производства и распространения наркотических препаратов в стране;
- возрастание количества потребителей наркотических веществ;
- включение РФ в состав международной системы наркобизнеса, выраженное в увеличении контрабанды наркотических препаратов. Зачастую более половины всех изъятых наркотических средств и психотропных веществ зарубежного производства;

- преобразование государства в международный перевалочный пункт для переправки наркотических препаратов [4, с. 124].

Говоря о проблемах, с которыми сталкивается уголовное законодательство в ходе выявления преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, стоит отметить, что данное деяние выступает в структуре незаконной предпринимательской деятельности, имеющей высокий уровень доходности, что приводит к формированию организованной преступности.

Кроме того, незаконный оборот веществ наркотического и психотропного характера негативно сказывается на отечественной экономике, социальной сфере, оказывает негативное влияние на уровень преступности, разлагает моральные устои российского общества, затрагивая в основном молодёжь. Таким образом этот вид преступления представляет угрозу для отечественной национальной безопасности [3, с. 51].

Другой проблемой уголовного законодательства в сфере незаконного оборота наркотических веществ является проблема классификации преступлений. Данные проблемы необходимо решать посредством изучения многочисленной судебной практики, нормативно-правовых актов и разъяснений к ним.

В настоящее время классификация преступления осуществляется на основании размера вышеуказанных веществ, форме действия, характерных для незаконного оборота и целям, поставленным перед собой виновным. Содержание данных критериев различия и их особенности раскрывается также и в указанном неоднократно Постановлении Пленума Верховного суда РФ. Такие изменения в законодательстве значительно повлияли на процесс определения и подготовки квалификации указанной категории преступлений.

Таким образом, комплексный анализ вопроса преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ позволяет сделать вывод, что борьба с незаконным оборотом наркотических веществ, возможна только через комплексный подход, объединяющий правовые меры. Среди данных мер преобладающее значение играют уголовно-правовые меры. Данное положение дел, обусловлено тем, что охранительная функция больше присуща уголовно-правовым положениям, нежели другим отраслям права.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // «Российская газета», N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996. – 115с.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 07.10.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) «Российская газета», N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996. – 84с.
3. Антонов, А.Г. К вопросу о характере общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов / А.Г. Антонов, В.В. Агильдин, Е.С.Витовская// Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – №1. – С.51.
4. Братчиков, В.А. Применение норм, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (Глава 25 УК РФ) / В.А. Братчиков, Т.М. Клименко, П.П. Сальников. – Саратов: ИздвоСарат. ун-та, 2020. – 124 с.
5. Мясников, В.В. Проблемные вопросы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (по материалам судебной практики Верховного Суда Российской Федерации)/ В.В. Мясников // ЮП. – 2018. – №1 (80). – С. 14.
6. Смирнова, М.Э. Уголовная ответственность за оборот наркотиков: проблемы и перспективы / М.Э. Смирнова // Общество: политика, экономика, право. –2020. – №3. – С. 27.

4.9. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ И ОБОРОТУ МАТЕРИАЛОВ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ С ПОРНОГРАФИЧЕСКИМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Пряникова Мария Анатольевна

аспирант 1 курса

*Сибирского юридического университета СибЮУ,
РФ, г. Омск*

ISSUES IN THE QUALIFICATION OF CRIMES INVOLVING THE PRODUCTION AND DISTRIBUTION OF MATERIALS OR OBJECTS CONTAINING PORNOGRAPHIC IMAGES OF MINORS

Maria Pryanikova

First-Year Graduate Student,

*Siberian Federal University of Law(SibFU),
Omsk, Russia*

Аннотация. В условиях глобализации и стремительного развития цифровых технологий наблюдается рост доступа к порнографическому контенту, что создает значительные риски для несовершеннолетних. Проблема незаконного распространения материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних требует особого внимания со стороны общества и государства, так как это явление наносит вред, как отдельным индивидам, так и обществу в целом.

Abstract. In the context of globalization and the rapid development of digital technologies, there is an increasing access to pornographic content, which poses significant risks to minors. The issue of illegal distribution of materials containing pornographic images of minors requires special attention from both society and the state, as this phenomenon harms not only individual victims but also society as a whole.

Ключевые слова: квалификация преступления, детская порнография, оборот порнографических материалов, цифровизация.

Keywords: crime qualification, child pornography, distribution of pornographic materials, digitalization.

В последние годы наблюдается рост случаев, связанных с изготовлением и распространением порнографических материалов, особенно тех, которые содержат изображения несовершеннолетних. Это создает необходимость в более четкой и эффективной квалификации таких преступлений для обеспечения защиты прав детей и предотвращения их эксплуатации. Существующие нормы уголовного законодательства могут не полностью охватывать все аспекты данной проблемы, что приводит к правовым пробелам и затруднениям в квалификации действий правонарушителей. Необходимость уточнения и адаптации норм к современным вызовам становится особенно актуальной.

Существующие проблемы в квалификации преступлений, связанных с порнографией, а также отсутствие четких определений понятий "порнография" и "детская порнография" в российском законодательстве создают сложности для правоохранительных органов. Это подчеркивает необходимость научного анализа и разработки рекомендаций по улучшению правоприменительной практики.

Квалификация преступлений, связанных с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в Российской Федерации, представляет собой сложную правовую задачу, требующую глубокого анализа как законодательных норм, так и практики их применения. Согласно статье 242.1 Уголовного кодекса РФ [4], уголовная ответственность за такие деяния относится к категории тяжких преступлений, что подчеркивает серьезность рассматриваемых нарушений. Наказания за изготовление, распространение и публичную демонстрацию порнографических материалов с участием несовершеннолетних могут варьироваться от двух до десяти лет лишения свободы в зависимости от обстоятельств дела, таких как возраст потерпевшего и способы совершения преступления. Это указывает на высокую степень общественной опасности данных деяний и необходимость строгого контроля за их предотвращением.

Сложность квалификации таких преступлений также обусловлена многообразием форм, в которых они могут проявляться. Например, к ним относятся не только традиционные формы порнографии, но и использование современных технологий для распространения материалов через интернет. Законодательство требует четкого определения понятий "изготовление", "распространение" и "публичная демонстрация", что иногда вызывает трудности в правоприменительной практи-

ке [3]. Неопределенность в определении признаков преступления может привести к правовым пробелам и затруднениям в судебной практике, что требует постоянного анализа и обновления законодательства [5].

Кроме того, важным аспектом является необходимость повышения квалификации правоохранительных органов и судебных работников для эффективной борьбы с данными преступлениями. Поскольку технологии развиваются стремительно, а злоумышленники находят новые способы обхода закона, необходимо регулярно обновлять знания специалистов о современных методах расследования и квалификации таких преступлений [1]. Это позволит не только улучшить качество правоприменения, но и повысить защиту прав несовершеннолетних, что является приоритетной задачей для общества.

Современные цифровые технологии значительно изменили доступность порнографического контента для несовершеннолетних, создавая новые вызовы для общества и правовой системы. С развитием интернета и мобильных приложений, доступ к порнографическим материалам стал легче, чем когда-либо. По оценкам, значительная часть контента, доступного в сети, включает изображения и видео с участием несовершеннолетних, что создает серьезные риски для их психического и эмоционального здоровья [3]. Платформы социальных сетей и видеохостинги позволяют пользователям делиться и распространять такие материалы с минимальными ограничениями, что затрудняет контроль их распространения. В результате, несовершеннолетние могут случайно или намеренно столкнуться с контентом, который не только нарушает закон, но и оказывает негативное влияние на их развитие.

Методы распространения порнографического контента также претерпели значительные изменения благодаря цифровизации. Технологии, такие как мессенджеры и социальные сети, обеспечивают анонимность и легкость обмена материалами между пользователями. Это создает условия для формирования закрытых сообществ, где происходит обмен запрещенными материалами без контроля со стороны правоохранительных органов. Кроме того, использование технологий глубокого фейка позволяет злоумышленникам создавать реалистичные подделки с участием несовершеннолетних, что усложняет задачу выявления и преследования таких преступлений [5]. Эти новые методы требуют от правоохранительных органов адаптации подходов к расследованию и квалификации преступлений, связанных с детской порнографией.

В условиях быстрого развития технологий необходимо также учитывать влияние цифровизации на правоприменение. Законодательство часто отстает от технологических изменений, что создает правовые пробелы и затрудняет квалификацию преступлений. Например, многие пользователи не осознают, что их действия по распространению порнографических материалов могут подпадать под уголовную ответственность даже при отсутствии намерения причинить вред. Это подчеркивает необходимость повышения правовой грамотности среди молодежи и родителей, а также разработки эффективных механизмов мониторинга и контроля за доступом к порнографическому контенту в интернете [3]. Важно создать баланс между свободой доступа к информации и защитой несовершеннолетних от потенциальных угроз в цифровом пространстве.

В Российской Федерации квалификация преступлений, связанных с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, регулируется статьями 242 и 242.1 Уголовного кодекса РФ [4]. Эти статьи определяют уголовную ответственность за незаконное изготовление, распространение и публичную демонстрацию порнографических материалов, содержащих изображения несовершеннолетних. Согласно части 1 статьи 242.1, наказание за такие деяния может составлять от двух до восьми лет лишения свободы [4]. При наличии квалифицирующих признаков, таких как совершение преступления в отношении лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, или использование средств массовой информации, наказание увеличивается до десяти лет лишения свободы [5]. Это подчеркивает серьезность и общественную опасность данных преступлений.

Практика судебных дел в России показывает, что обвиняемые часто соглашались с предъявленными обвинениями и просят рассмотреть дело в особом порядке, что может привести к нежелательным последствиям. Важно отметить, что примечание к статье 73 УК РФ исключает возможность назначения условного наказания за преступления, связанные с детской порнографией. Это создает правовую ловушку для обвиняемых, которые могут рассчитывать на более мягкое наказание в обмен на сотрудничество со следствием [1]. Судебная практика также демонстрирует разнообразие случаев, когда обвиняемые были привлечены к ответственности за распространение даже художественных изображений, если они были интерпретированы как содержащие порнографические элементы с участием несовершеннолетних.

Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 15 декабря 2022 года разъяснил квалифицирующий признак "с использованием информационно-телекоммуникационных сетей", который применяется к преступлениям по статьям 242 и 242.1 УК РФ [4]. Это включает в себя любые действия по распространению порнографических материалов через интернет и социальные сети. Судебная практика показывает, что такие действия могут квалифицироваться как незаконное предоставление доступа к порнографическим материалам конкретным лицам или неопределенному кругу лиц через различные платформы [2]. Таким образом, современные технологии играют ключевую роль в распространении порнографического контента и требуют от правоохранительных органов адаптации методов расследования и квалификации преступлений [2].

Несмотря на наличие литературы по вопросам квалификации преступлений, существует потребность в дальнейших исследованиях, которые бы углубили понимание специфики квалификации преступлений, связанных с несовершеннолетними. Это позволит разработать более эффективные рекомендации для правоприменителей.

Доказывание по уголовным делам, связанные с производством и оборотом материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, охватывает специфические аспекты. Важным является установление фактов, таких как событие преступления, виновность обвиняемого и обстоятельства, характеризующие его личность. Процесс включает сбор, проверку, и оценку доказательств, что требует соблюдение норм УПК РФ. Специфика таких дел также подразумевает высокую степень юридических регламентаций и необходимость учета психологических аспектов, влияющих на осознание обвиняемым своих действий.

Ошибки в квалификации преступлений могут иметь серьезные последствия для правоприменительной практики, включая непропорциональное применение уголовных санкций или, наоборот, отсутствие наказания для виновных. Это подчеркивает важность глубокого анализа и оптимизации процесса квалификации. Ключевые аспекты – допустимость доказательств, их оценка и использование в суде. Важно учитывать специфику таких дел, чтобы обеспечить защиту прав несовершеннолетних и соблюдение процессуальных норм. Для эффективной работы правоохранительных органов требуется регулярное обучение судей и следователей, что позволит улучшить понимание изменений в законодательстве и методах квалификации

Список литературы:

1. Иванищева А.С., Дробот С.А. Квалификация преступления как элемент структуры обвинения // Научные высказывания. 2024. №8 (55). С. 72-75.
2. Маркунцов С.А. Особенности правовой оценки конкретного уголовно-правового запрета / С.А. Маркунцов // Lex russica (Русский закон). 2020. № 2. С. 101–107.
3. Нешатаев В.Н. Определение квалификации преступлений [Текст] / В.В. Векленко, В.Н. Нешатаев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3. С. 17–21.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) [Текст] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 242.1.
5. Филиппова Е.О. Актуальные вопросы квалификации преступлений в уголовно-правовой науке / Е.О. Филиппова // Юридический мир. 2023. №6. С. 50–52.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Рословец Кристина Сергеевна

*студент магистратуры,
Институт магистратуры и заочного обучения,
ФГБОУ ВО "Саратовская государственная
юридическая академия",
РФ, г. Саратов*

Баранова Марина Александровна

*научный руководитель, доц., канд. юрид. наук,
ФГБОУ ВО "Саратовская государственная
юридическая академия",
РФ, г. Саратов*

SOME PROBLEMS OF THE APPLICATION OF MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION

Kristina Roslovets

*Master's Degree student,
Institute of master's degree
and distance learning,
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov*

Marina Baranova

*Academic supervisor, Associate professor,
Candidate of Law Sciences,
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov*

Аннотация. Актуальность исследования связана с обеспечением и защитой прав участников уголовного судопроизводства, которые подвергаются принуждению. В статье рассматриваются понятие мер уголовно-процессуального принуждения, их признаки и порядок применения специально уполномоченными органами и должностными лицами. Отдельное внимание уделяется несовершенству уголовно-процессуального законодательства в части регламентации отдельных мер уголовно-процессуального принуждения. На основе проведенного анализа конкретизированы некоторые проблемы, касающиеся приме-

нения мер уголовно-процессуального принуждения и предложены возможные пути их разрешения. Сформулированы выводы о необходимости внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Abstract. He relevance of the study is related to ensuring and protecting the rights of participants in criminal proceedings who are subjected to coercion. The article discusses the concept of measures of criminal procedural coercion, their signs and the procedure for application by specially authorized bodies and officials. Special attention is paid to the imperfection of criminal procedure legislation in terms of the regulation of certain measures of criminal procedural coercion. Based on the analysis, some problems related to the application of measures of criminal procedural coercion are specified and possible ways of their resolution are proposed. The conclusions on the need to amend the current criminal procedure legislation are formulated.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение, меры уголовно-процессуального принуждения, задержание, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения.

Keywords: criminal procedural coercion, measures of criminal procedural coercion, detention, preventive measures, other measures of procedural coercion.

Права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Российская Федерация – это, прежде всего, правовое государство. Реализация законности, соблюдение правопорядка, а также обеспечение защиты прав и свобод человека, являющихся высшей ценностью, признание, соблюдение, защита прав гражданина являются обязанностью государства.

Принуждение является обязательным элементом власти, оно активно используется на протяжении уже нескольких столетий. Государственное принуждение представляет собой средство социального воздействия, направленное на обеспечение воли государства, которая отражает и защищает интересы как всего общества в целом, так и отдельных его субъектов.

В уголовном судопроизводстве инструментарием государственно-принуждения выступают меры уголовно-процессуального принуждения. В юридической литературе до сих пор вызывает споры выработка единого определения таким мерам. Однако, на основе анализа присущих им признаков, представляется возможным формирование

понятия. Итак, к признакам мер уголовно-процессуального принуждения следует отнести следующие:

1. Они применяются тем органом или должностным лицом, в производстве которого находится конкретное уголовное дело – органом дознания, дознавателем, следователем, судом;

2. Могут применяться не только в отношении лиц, подвергающихся уголовному преследованию (подозреваемый, обвиняемый), но и в отношении других участников уголовного судопроизводства.

3. Применяются в целях обеспечения реализации назначения уголовного судопроизводства;

4. Всегда сопровождаются ограничением прав и свобод лица, в том числе – ограничение может касаться конституционных прав;

5. Носят процессуальный характер и применяются к лицам в ходе производства по уголовному делу;

6. Применяются исключительно в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом.

Таким образом, меры уголовно-процессуального принуждения представляют собой предусмотренные уголовно-процессуальным законом решения и действия по их реализации специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц, связанные с ограничением отдельных прав и свобод подозреваемых, обвиняемых и иных участников уголовного процесса, направленные на реализацию назначения уголовного судопроизводства, обеспечение установленного порядка его осуществления и надлежащее исполнение приговора.

На сегодняшний день, среди исследователей данной темы существует плюрализм подходов к установлению единой классификации мер уголовно-процессуального принуждения. Наиболее точная, по нашему мнению, принадлежит А.В. Гриненко, по причине сходства с классификацией, предложенной УПК РФ. По его мнению, меры уголовно-процессуального принуждения следует подразделять следующим образом:

1. Задержание подозреваемого;

2. Меры пресечения, связанные и не связанные с лишением свободы;

3. Иные меры процессуального принуждения. [6, с. 237]

Задержание представляет собой уголовно-процессуальный институт, которому определено собственное, отдельное место в действующем уголовно-процессуальном законе. Оно определяется как кратковременное лишение свободы, применяемое в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, сопровождающееся помещением и содержанием этого лица в специальном учреждении.

Одной из особенностей задержания как меры уголовно-процессуального принуждения считаются его временные рамки. И.И. Шагигалина и В.Р. Сафронова, считают, что для задержания лица по подозрению его в совершении преступления требуется возбуждение уголовного дела. [4, с.23]. С.Ж. Тургаев отмечает, что «задержание может предшествовать избранию меры пресечения, но не должно применяться наряду с ним». [7, с. 77]. Как правило, задержание характерно для первоначального этапа расследования, когда не проведены еще все необходимые проверочные действия, доказательств для избрания меры пресечения в отношении подозреваемого лица недостаточно, однако, необходимость в его изоляции есть. Таким образом, представляется целесообразным дополнить ст. 91 УПК РФ. [2, с. 84]. прямым указанием на недопустимость уголовно-процессуального задержания до возбуждения уголовного дела, чтобы завершить все существующие споры о его правовом режиме.

В соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ протокол задержания подозреваемого должен быть составлен не позднее трех часов с момента его доставления в органы дознания или к следователю [2, с. 84]. Этот промежуток времени предусмотрен для проведения ряда проверочных мероприятий, собирания доказательств и сведений подтверждающих подозрение в совершении преступления и принятия решения о необходимости применения в дальнейшем конкретной меры принуждения.

Незаконное задержание, при отсутствии на то оснований, в том числе – с нарушением установленного законом порядка, а также с нарушениями уголовно-процессуальных сроков, является нарушением прав человека, что недопустимо.

Меры пресечения – это процессуальные средства ограничения личной свободы обвиняемого, применяемые для предотвращения возможных процессуальных нарушений с их стороны, обеспечения нормального хода уголовного процесса.

Меры пресечения, несмотря на свою схожесть с уголовным наказанием, обладают уголовно-процессуальной природой и не могут расцениваться как наказание за совершенное противоправное деяние. Перечень их закреплен в главе 13 действующего уголовно-процессуального закона.

Безусловно, действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации сделал значительные шаги вперед в сторону гуманизации и защиты прав и свобод гражданина при избрании в отношении него меры пресечения. Особое внимание следует уделить домашнему аресту, по причине несовершенства данной меры пресечения. Связано это, в первую очередь, с неготовностью правоохранительных органов к ее применению. Согласно ст. 107 УПК РФ [2, с. 94],

вышеупомянутая мера пресечения заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля.

Проблемы могут возникнуть в реальной возможности исполнения этой меры, так как часто фактическое место жительства лица не совпадает с местом регистрации или, к примеру, если лицо проживает в общежитии, то применение домашнего ареста недопустимо, так как соблюдение возложенных запретов в таких условиях невозможно. Кроме того, стоит отметить, что проверить соблюдение подозреваемым или обвиняемым домашнего ареста без установления охраны над жилищем невозможно. В таком случае, встает вопрос о кадровых возможностях правоохранительных органов, которые и без этого не могут похвастаться избытком сотрудников.

На сегодняшний день, отсутствует эффективный механизм контроля за исполнением возложенных запретов на лицо, к которым относятся:

1. Общение с определенными лицами;
2. Отправление и получение почтово-телеграфных отправлений;
3. Использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети "Интернет".

Сейчас существует ряд технических средств, которые предназначены для наиболее эффективного осуществления контроля, но и они не всегда бывают в исправном состоянии, да и не все структурные подразделения должным образом оснащены такими техническими средствами.

Таким образом, следует наиболее основательно подойти к механизму осуществления контроля за лицом, в отношении которого был избран домашний арест. Представляется целесообразным создать специальный орган надзора, который будет следить за подозреваемым или обвиняемым в период домашнего ареста, а также следует уделить внимание оснащению соответствующих структур техническими средствами и поддержанию их в исправном состоянии.

Иные меры процессуального принуждения – это принудительные меры, применяемые должностными лицами для обеспечения порядка производства по делу и создающие условия для надлежащего исполнения приговора к участникам процесса. [6, с. 237].

Иные меры процессуального принуждения существенно ограничивают права и свободы граждан, поэтому в законе должны быть четко регламентированы основания и порядок их применения, а также осно-

вания и порядок их отмены. В некоторых случаях законодатель не придал должного внимания данным вопросам. Например, обязательство о явке. Основания применения этой меры в действующем уголовно-процессуальном законе четко не сформулированы. В статье указано лишь – "при необходимости", а что конкретно означает эта необходимость не ясно. В связи с этим, законодателю необходимо четко сформулировать основания для избрания обязательства о явке, так как на данный момент, она идентична мере пресечения – подписке о невыезде и надлежащем поведении.

Еще одна иная мера процессуального принуждения, применение которой вызывает несколько вопросов – привод. Ч.1 ст. 113 УПК РФ регламентировала, что в случае неявки по вызову без уважительных причин подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, свидетель и лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, могут быть подвергнуты приводу. [2, с. 105]. Представляется целесообразным расширить перечень лиц, которые могут подвергаться приводу и включить в него гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, как это закреплено в Приказе МВД России от 21.06.2003 № 438 (ред. от 01.02.2012) "Об утверждении Инструкции о порядке осуществления привода" [3, с. 1]. Это позволит устранить сложившиеся противоречия между вышеупомянутым Приказом МВД России и УПК РФ, а также наиболее полно раскрыть необходимость применения привода к лицам, не являющихся по вызову без уважительной причины.

Таким образом, институт уголовно-процессуального принуждения является необходимым и социально значимым для государства и общества. Меры уголовно-процессуального принуждения – предусмотренные законом средства принудительного характера, применяемые к обвиняемому, подозреваемому, свидетелю, потерпевшему и некоторым другим лицам в целях обеспечения исполнения ими соответствующих обязанностей, преодоления препятствий, возникающих в ходе уголовного судопроизводства и обеспечения выполнения его задач. Уголовно-процессуальный закон закрепил основные положения, касающиеся вышеупомянутых мер, но и он, на данный момент, содержит в себе несовершенства регламентации отдельных мер уголовно-процессуального принуждения. Рассматриваемые в статье предложения по внесению некоторых дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, безусловно, направлены на его совершенствование, а также они позволят улучшить эффек-

тивность деятельности правоохранительных органов и дисциплинировать участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2024) // Собрание законодательства. – 2001. – № 52 (ч. I) . – Ст. 4921.
3. Приказ МВД России от 21.06.2003 № 438 (ред. от 01.02.2012) "Об утверждении Инструкции о порядке осуществления привода"(Зарегистрировано в Минюсте России 08.07.2003 № 4878) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 27. – ст. 2706.
4. Арутюнян Д.А. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения: проблемы и особенности // Правовой альманах. 2023. № 9. С. 21-26.
5. Копылова О.П. Меры принуждения в уголовном процессе : учебное пособие / отв. ред. О.П. Копылова. – Тамбов: Издательство ГОУ ВПО ТГТУ, 2011. 120 с.
6. Тепшеев А.А. Понятие мер уголовно-процессуального принуждения и их виды // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 4. С. 235-238.
7. Тургаев С.Ж. Задержание как мера процессуального принуждения // Вестник Уральского Университета – Института экономики, управления и права. 2018. №1. С. 76-80.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам ХСIV международной
научно-практической конференции*

№ 11 (94)
Ноябрь 2024 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 11.11.24. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,625. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

16+

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru